

На правах рукописи

Зимин Вячеслав Александрович

**Формирование политико-культурного контекста
постсоветской модернизации**

23.00.01 – Теория и философия политики, история и методология политической
науки

Автореферат диссертации на соискание ученой степени
доктора политических наук

Саратов 2013

Работа выполнена на кафедре политических наук ФГБОУ ВПО
«Саратовский государственный университет имени Н.Г.Чернышевского»

- Научный консультант:** доктор политических наук, профессор, зав. кафедрой политических наук Саратовского государственного университета имени Н.Г.Чернышевского
Вилков Александр Алексеевич
- Официальные оппоненты:** доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой социально-гуманитарных наук Института дополнительного профессионального образования Саратовского государственного университета имени Н.Г.Чернышевского
Барышков Владимир Петрович
- доктор политических наук, профессор кафедры политической социологии Российского государственного гуманитарного университета
Овчарова Ольга Геннадиевна
- доктор политических наук, профессор кафедры всеобщей истории и мирового политического процесса Мордовского государственного университета
Изергина Нина Ивановна
- Ведущая организация:** ФГБОУ ВПО «Российский университет дружбы народов»

Защита состоится 26 июня 2013 года в 12.00 часов на заседании диссертационного совета Д 212.243.04 при Саратовском государственном университете имени Н.Г. Чернышевского по адресу: 410026, г. Саратов, ул. Вольская, д.10а, корп. 12, ауд.510.

С диссертацией можно ознакомиться в читальном зале №3 Зональной научной библиотеки Саратовского государственного университета имени Н.Г.Чернышевского. Автореферат разослан « » марта 2013 г.

И.о. ученого секретаря
диссертационного совета,
доктор исторических наук, профессор кафедры
политических наук Саратовского государственного
университета имени Н.Г.Чернышевского

Ю.П. Суслов

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Для любой политической элиты, которая пытается осмысленно подойти к выбору и реализации стратегий модернизации социально-политической системы важно иметь представление о социокультурных основаниях приверженности большинства подданных или граждан этим стратегиям, или же о причинах их неприятия таковых. Со времени дискуссий «славянофилов» и «западников» и до наших дней по поводу свойств этих социокультурных оснований идет научная и политическая полемика. Она к настоящему времени выявила ряд вопросов, требующих научного осмысления. Почему, например, одни и те же наличные социокультурные характеристики русского народа, о которых многократно упомянуто в отечественной научной литературе в самых разных контекстах, позволяют представителям различных общественно-политических течений, идеологий, научных школ, интерпретировать их не просто различно, а диаметрально противоположно? Эти характеристики выдвигаются исследователями и публицистами на роль решающего аргумента в их обосновании склонности российского общества к движению в диаметрально противоположных, к демократии и авторитаризму. Обусловлено ли это обстоятельство ошибочной информационной базой, неполнотой, или недостоверностью нынешних знаний о реальных социокультурных характеристиках русского народа, или же здесь имеют место иные причины? Или же речь идет об ошибочности парадигмальных подходов, неверно истолковывающих наличные социокультурные характеристики русского народа?

Особенно остро встают эти вопросы и актуально звучат разные ответы на них тогда, когда речь заходит о модернизациях в истории России и в мировой истории. Они, во многом, определяют логику современного развития политической науки в России. Особенно в той ее части, предметное поле и методологии которой связаны с переосмыслением зарубежного модернизационного опыта, а также с необходимостью включения в мировой массив политологического знания достижений отечественной политической мысли. В этом отношении проблема принципов и ракурсов, определяющих общую стилистику такой рефлексии, приобретает первостепенное значение.

Есть еще не менее значимые вопросы, связанные со значением свойств российской политической культуры для модернизационной практики. То, что современная российская политика осуществляется без четких идеологических ориентиров (если исходить из «классического» представления о свойствах и функциях идеологий в политике), это большая проблема. Движение социально-политической системы без заранее обозначенных политическими элитами и принятых массовым сознанием ориентиров чревато вполне прогнозируемыми опасностями, как для самой этой системы, так и для сопредельных с нею систем. Особенно если это демократическая социально-политическая система,

и такая массивная и специфическая, какой она сложилась в России. Это проблема вдвойне, если учесть, что властвующими элитами в качестве основополагающей стратегии для политического развития страны заявлена системная (охватывающие все звенья политической, экономической, культурной и правовой систем) модернизация. Здесь кратно возрастает степень рисков от неверно определенных тенденций в развитии политических процессов и некомпетентно принятых политических решений.

Следовательно, должны возникать какие-то структуры и процессы, которые функционально замещали бы собой ослабевающие и деформирующиеся идеологические мотивации, которые стабилизировали бы общую динамику социально-политической системы и направляли ее в прогрессивное русло. Сам опыт разработки европейской, североамериканской и российской политической наукой политико-культурной проблематики наводит на мысль, что разумнее всего и наиболее продуктивно вести поиск такого рода замещающих мотиваций именно в пространстве политической культуры. Она концентрирует в себе все, что, помимо идеологий, но в тесной связи с ними, нарабатал данный социум в плане осмысления политических реалий и в смысле понимания необходимости что-то в этих реалиях изменить. Можно предположить, что у субъектов, участвующих в нынешнем российском модернизационном процессе, есть такая мотивация действий. Но чтобы ее выявить и оценить меру ее функциональности, нужно, прежде всего, определить, какие тенденции и противоречия имеют место в современной политической культуре, насколько совершенен научный инструментарий политической науки для ее анализа. Без этого невозможно понять, как сегодня меняется политическая культура и как эти изменения могут в дальнейшем повлиять на реализацию наших надежд увидеть Россию сильным и демократическим политическим образованием.

Степень научной изученности темы

Проблематика политической культуры давно заняла прочное место в научном дискурсе западной политической науки¹. Многие работы стали классикой, на основе которой рассматриваются типологии политических режимов, особенности функционирования демократических механизмов в условиях различных социокультурных систем, специфика переходов к демократии и многие другие. В особое направление оформилось изучение социокультурных особенностей формирования различных уровней

¹ Almond G., Verba S. The Civil Culture: Political Attitudes and Democracy in five Countries. Princeton, 1963; Heunks F., Hiksloops F. Political Cultures 1960–1990 // Values in Western Societies. Ed by De Moor R. Tilburg : Tilburg University Press, 1995; Hofstede G. Cultures and organizations: Software of the Mind, McGraw-Hill. N. Y. : Hoft, 2005; Rosenbaum W. A. Political Culture. London : Nelson, 1975; Verba S. Conclusions: Comparative Political Culture // Pye L., Verba S. Political Culture and Political Development. Princeton, 1965.

идентичности и их влияние на социально-политическую стратификацию обществ и политические процессы в целом².

Значимое место отводится в исследованиях процессам взаимодействия глобализации и политической культуры³. Несмотря на наличие различных трактовок последствий глобализации на политическую культуру традиционалистских стран, большинство исследователей более или менее осторожно разделяют оптимизм в отношении неизбежности гуманизации социокультурной составляющей мирового политического развития. Возможности нарастания цивилизационных конфликтов предполагается сдерживать и минимизировать с помощью усиления регулирующей роли мирового сообщества для их разрешения. Ключевая роль отводится различным вариантам политической и социально-экономической модернизации, основу которых должны составить либеральные ценности и принципы⁴.

Одним из направлений исследования социокультурных аспектов социально-политического развития сообществ в условиях глобализации является постмодернизм⁵. Его сторонники в числе первых подвергли сомнению однолинейное и строго детерминированное развитие мирового сообщества и обратили внимание на многофакторность и непредсказуемость политической жизни в различных странах.

В результате одним из ведущих научных направлений в изучении данной проблематики стал мультикультурализм⁶. Его сторонники акцентировали внимание на то, что процессы глобализации сопровождаются противоречивыми последствиями в культурной сфере различных стран. Наряду с тенденциями унификации и очевидно проявляются также тенденции укрепления

² Bauman Z. *Identity: Conversations with Benedetto Vecchi*. Cambridge, UK; Malden, MA: Polity Press, 2004; Connolly W. E. *Identity/Difference: Democratic Negotiations of Political Paradox*. Ithaca, L. 1991; Friedman J. *Cultural Identity and Global Process*. London; Thousand Oaks, Calif.: Sage Publications, 1994; Giddens A. *Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age*. Stanford, Calif.: Stanford University Press, 1991; Huntington S.P. *Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. N. Y. : Simon & Schuster, 1996; Huntington S. P. *Who are we? The Challenges to America's National Identity*. N. Y. : Simon & Schuster, 2004; и др.

³ Beyer P. *Globalizing Systems, Global Cultural Model and Religion(s)* // *International Sociology*. 2001. Vol. 13. No 1; *Culture, Globalization and the World-System. Contemporary Conditions for the Representation of Identity* / Ed. by A.D. King. Binghamton: Dept. of Art and Art History, State University of New York at Binghamton, 1991; Friedman T. *The Lexus and the Olive Tree. Understanding Globalization*. N.Y. : Farrar, Straus, Giroux, 2000; *Globalization and Identity: Dialectics of Flow and Closure* / Ed. by B. Meyer, P. Geschiere. Oxford, UK; Malden, MA: Blackwell Publishers, 1999; Waters M. *Globalization*. London; N. Y. : Routledge, 1995; и др.

⁴ Eisenstadt S. *Modernization: Protest and Change*. N. Y., 1966; и др.

⁵ Cooper Robert. *The post-modern state and the world order*. Demos, 2002; Jameson F. *Postmodernism or The Cultural Logic of Late Capitalism*. Durham : Duke University Press, 1991.

⁶ Многоликая глобализация. Культурное разнообразие в современном мире / под ред. П. Бергера и С. Хантингтона / пер. с англ. под ред. В. В. Сапова. М. : Аспект-Пресс, 2004; Тернборн Г. Мультикультуральные общества // *Социологическое обозрение*. 2001. Т. 1. № 1; Хабермас Ю. Религия, право и политика. Политическая справедливость в мультикультурном мир-обществе // *Полис*. 2010. № 2; и др.

социокультурных традиций и противодействия глобалистской универсализации. На основе таких подходов появились различные варианты модернизации стран третьего мира – от определенной апологетики цивилизаторской трактовки имперской модели⁷ и до плюрализма моделей перехода к демократии в зависимости от конкретно-исторических предпосылок отдельных стран⁸. Многие из этих работ переведены на русский язык⁹ и стали доступными для ознакомления и включения в пространство научных дискуссий российских политологов, культурологов, социологов и других обществоведов.

Особое значение придает исследователи анализу информационного фактора эволюции политической культуры¹⁰. В рамках концепций постиндустриального информационного общества, их сторонники анализируют воздействие последствий информационной революции на политическую культуру граждан, на изменение характера мотивации их политического участия, на изменение социальной и социокультурной стратификации обществ, на изменение мировоззренческих и идеологических основ современного общественно-политического устройства.

О том насколько российские исследователи включены в обсуждение общемировых проблем социокультурного развития свидетельствуют, например, ставшие уже традиционными международные «Лихачевские чтения» в Санкт Петербурге, в которых принимают участие ведущие политологи и действующие политики самых различных стран. Издаваемые по результатам данной конференции сборники¹¹ по проблемам мультикультурализма в

⁷ Ferguson Niall. Empire: The Rise and Demise of the British World Order and the Lessons for Global Power. N. Y. : Basic Books, 2003.

⁸ Блэк С. Динамика модернизации: очерки сравнительной истории. М., 1966; Мартинелли А. Глобальная модернизация. Переосмысливая проект современности. СПб., 2006; Растоу Д. А. Переходы к демократии: попытка динамической модели // Полис. 1996. № 5; Шмиттер Ф. Процесс демократического транзита и консолидации демократии // Полис. 1999. № 3; и др.

⁹ См., напр.,: Валлерстайн И. После либерализма / пер. с англ.; под ред. Б. Ю. Кагарлицкого. М. : Едиториал УРСС, 2003; Даль Р. Демократия и ее критики. М. : РОССПЭН, 2003; Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития М. : Новое издательство, 2011; Лейпхарт А. Демократия в многосоставных обществах. М., 1997; Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. М. : Прогресс, 2009; Хабермас Ю. Будущее человеческой природы / пер. с нем. М. : Издательство «Весь Мир», 2002; Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. М. : Прогресс-Традиция, 2004; Хомский Н. Государство будущего. М. : Альпина нон-фикшн, 2012; и др.

¹⁰ Вирилио П. Информационная бомба: стратегия обмана / пер. с фр. М. : ИТДГК «Гнозис», Фонд «Прагматика культуры», 2002; Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., 2000; Масуда Й. Информационное общество как постиндустриальное общество. М., 1997; Нейсбит Д. Мегатренды. М., 2003; Стиглиц Дж. Прозрачность правительства // Право на свободу слова. Роль СМИ в экономическом развитии. М., 2005; Тоффлер Э. Третья волна. М., 2004; Тоффлер Э. Метаморфозы власти: знание, богатство и сила на пороге XXI века. М., 2003.

¹¹ См.: Диалог культур в условиях глобализации. XXII международные Лихачевские научные чтения 17–18 мая 2012 года. СПб., 2012.

современных условиях стали одним из важнейших источников для формирования теоретико-методологического основания данной работы.

Особенности политической культуры в постсоветской России стали предметом исследования многих российских ученых¹². Основной акцент авторы делали на тех тенденциях, которые были характерны для ее эволюции в условиях резкого перехода от одной общественно-политической системы к другой. Важнейшее значение многие авторы придают роли идеологического фактора в данной эволюции¹³, подчеркивая те сложности, которые пришлось испытать большинству населения в условиях отказа от тотальной функциональности советской идеологии и перехода к идеологическому плюрализму и многопартийности. Несмотря на то, что большинство современных исследователей сходятся в оценке неизбежности проявлений «детской болезни» перехода к мировоззренческому и идеологическому плюрализму, как представляется, ряд негативных последствий данного периода можно было бы минимизировать. Без критической переоценки негативных последствий либерализации данной сферы (манипуляционные технологии, подрыв доверия ко многим демократическим ценностям и институтам, резкая фрагментация и социокультурный раскол российского общества, отсутствие четких представлений о стратегии политического и социально-экономического развития России) невозможно объективно оценить и сегодняшние модели политической модернизации, среди которых видное место продолжают занимать либерально ориентированные варианты.

Не случайно, что многие аспекты политической культуры стали исследовать в рамках мифологического ракурса¹⁴. На наш взгляд, взгляд

¹² Баталов Э. Политическая культура России сквозь призму civic culture // Pro et Contra. Т. 7. 2002. № 3; Зевина О. Г., Макаренко Б. И. Об особенностях политической культуры современной России // Полис. 2010. № 3; Назаров М. М. Политическая культура современного российского общества (1991–1995 гг.) (проблемы социолог. исследования) : автореф. дис. ... докт. полит. наук. М., 1997; Пивоваров Ю. С. Политическая культура : методологический очерк. М., 1996.; Пивоваров Ю. С. Политическая культура пореформенной России. М., 1996; и др.

¹³ Баранец Н., Веревкин А., Ершова О. Об идеологии и идеологизации науки // Власть. 2011. № 7; Головченко В. И. Партийно-идеологический фактор трансформации современной России. Саратов: Издательский центр «Наука», 2009; Гудков Л. Социальный капитал и идеологические ориентации // Pro et Contra. 2012. Май – июнь. Т. 16; Идеино-символическое пространство постсоветской России: динамика, институциональная среда, акторы / под ред. О. Ю. Малиновой. М. : РАПН, 2011; Коваленко В. И., Костин А. И. Политические идеологии: история и современность // Вестник МГУ. Сер. 12. 1997. № 2; Мусихин Г. И. Идеология и власть // Полития. 2010. № 3–4; Пляйс Я. А. Россия в поисках национальной идеи и идеологии // Обозреватель. 1999. № 11; и др.

¹⁴ Мифы и мифология в современной России. М., 2000; Лосев А. Ф. Диалектика мифа // Лосев А. Ф. Миф, число сущность. М.: Мысль, 1994; Лукин А. В., Лукин П. В. Мифы о российской политической культуре и российская история // Полис. 2009. № 1; Черно-свитов П. Ю. Современная мифология и государственная идеология // Культурологические записки. Вып. 13. М. : ГИИ, 2011; Шестов Н. И. Политический миф теперь и прежде / под ред. проф. А. И. Демидова. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2003; и др.

апелляция к архетипам и мифологическим основаниям как отдельных политических программ, деятельности ведущих политических акторов, так и политики в целом, обусловлена кризисным состоянием российского социума в постсоветский период и рассогласованием в официальных стратегиях и тактике общественного развития и представлениях большинства населения о справедливом общественно-политическом устройстве. Последствиями такого рассогласования является редуцирование рациональных мотивов политического участия граждан и усиление мифологической их составляющей. В результате одной из проблем политической модернизации в современной России является отсутствие внятного, положительно воспринимаемого образа будущего¹⁵, который мог бы выполнить роль стратегического ориентира развития России в рамках правового поля независимо от исхода очередных выборов. Отсутствие такого образа в массовом сознании подкрепляет эсхатологическая позиция ведущих политических сил в современной России, чаще всего настроенной антагонистически по отношению друг к другу.

Формирование политико-культурного контекста политической модернизации во многом определяется состоянием гражданского общества¹⁶. Данная проблематика постоянно находится в центре внимания политологических исследований и представляет собой поле перманентных дискуссий о соотношении субъектности и функциональности государства и институтов гражданского общества в проведении политической модернизации в постсоветской России. Как представляется, имеет место две противоречивые трактовки абсолютизации особенностей российской политической культуры в контексте развития гражданского общества. Сторонники проведения либеральной модели модернизации считают их главным препятствием в решении данной задачи и расчет делают на постепенное изменение массового сознания россиян в результате целенаправленной политической социализации. Сторонники сохранения самобытности, напротив, акцент делают на необходимости адаптации самой модели модернизации, ее приспособления к специфическим социокультурным характеристикам российского населения. В рамках таких подходов рассматриваются и проблемы политического участия

¹⁵ Бессонова О. Э. Россия и Запад: образ будущего с позиции общей теории институциональных трансформаций // *Общественные науки и современность*. 2008; Глебова И. И. Политическая культура России. Образы прошлого и настоящего. М.: Наука, 2006; Ослон А. Образ будущего в социальной реальности // *Социальная реальность. Журнал социологических наблюдений и сообщений*. 2006. № 11; Политическое будущее России: взгляд из региона. Серия «Научные доклады». Вып. 10. Саратов: Новый ветер, 2007; Россия XXI века: образ желаемого завтра. М.: Экон-Информ, 2010; и др.

¹⁶ Андропова И. В. Политико-правовые и социокультурные условия становления гражданского общества в современной России / под ред. А. А. Вилкова. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2004; Концептуальная модель взаимодействия власти, гражданского общества и бизнеса в условиях российского региона / под ред. Г. Н. Комковой. Саратов: Изд-во «Саратовский источник», 2011; Левашов В. К. Гражданское общество и демократическое государство в России // *Социс*. 2006. № 1; и др.

граждан¹⁷, которое оценивается как важнейшее и обязательное условие эффективной политической и социально-экономической модернизации современной России.

В отдельное самостоятельное направление можно выделить работы авторов, исследующих особенности менталитета и политической культуры населения в истории России, и соответственно как важнейшего фактора реформ и революций¹⁸. Внимание исследователей сосредоточено, прежде всего, на природе традиционалистской основы политической культуры России, выявлении причин ее специфических ценностных характеристик. Одним из ключевых аспектов данной проблематики выступает социокультурный раскол большинства российского населения и правящей элиты, который рассматривается как важнейший и постоянно действующий барьер политической модернизации в истории России. На наш взгляд, в современных условиях имеет место гораздо более сложная конфигурация социокультурных размежеваний российского общества, которая требует всестороннего научного изучения в контексте определения тенденций эволюции отдельных политико-культурных сегментов.

В 2000-е гг. приоритетным стало изучение причинной обусловленности особенностей российской модернизации¹⁹. Большое количество монографий, сборников, статей были посвящены трем ключевым проблемам: какая модель модернизации наиболее соответствует интересам и возможностям России; кто должен быть главным субъектом (субъектами) преобразований; каково соотношение приоритетов политической и экономической модернизации. Вокруг данных проблем до сих пор не утихают бурные дискуссии, которые особенно активизировались в условиях мирового финансового кризиса. Значительная часть работ посвящена ценностным основаниям российской

¹⁷ Петухов В. В. Гражданское участие в контексте политической модернизации России // Социс. 2012. № 1; и др.

¹⁸ Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России). Т. 1. От прошлого к будущему. Новосибирск : Сибирский хронограф, 1997; Гавров С. Н. Социокультурная традиция и модернизация российского общества. М. : МГУКИ, 2002; Готово ли российское общество к модернизации? / под ред. М. К. Горшкова, Р. Крумма, Н. Е. Тихоновой. М.: Издательство «Весь Мир», 2010; Гудков Л. Общество с ограниченной вменяемостью // Вестник общественного мнения. 2008. № 1; Соловьев А. И. Коммуникация и культура: противоречия поля политики // Полис. 2002. № 6; Тихонова Н. Е. Социокультурная модернизация в России (опыт эмпирического анализа) // Общественные науки и современность. 2008. № 2; и др.

¹⁹ Кива А. В. Многоликость российской модернизации // Общественные науки и современность. 2011. № 1; Красин Ю. Метаморфозы российской реформации. Политологические сюжеты. М. : ИС РАН, 2009; Мартьянов В. С. Один модерн, или множество? // Полис. 2010. № 6; Паин Э. А. Исторический бег по кругу // Общественные науки и современность. 2008. № 4; Панкратов С. А. Политическая модернизация России в контексте устойчивого развития (теоретический аспект) : автореф. дис. ...док. полит. наук. Волгоград, 2006; и др.

модернизации²⁰, а также соотнесению проблем модернизации и демократизации²¹. К сожалению, многие позиции исследователей очевидно носят ангажированный характер, обусловленный политическими и идеологическими симпатиями и предпочтениями.

В отдельную группу можно выделить работы, посвященные синдрому советской политической культуры²². Советская история оставила неизгладимый след не только в виде экономических, научных и культурных достижений, но и в виде политико-культурных изменений, которые вошли в плоть и кровь представлений о социальной справедливости и в структуру базовых ценностей россиян.

Значительная часть работ по проблемам идентичности²³ также посвящена социокультурному контексту политической модернизации в современной России. Для нас особенно важным является анализ корреляции идентификационных структур и ранжирование социально-политических ценностей, позволившие сформулировать авторскую методологию исследования фрагментированной политической культуры как контекста политической модернизации в современной России.

²⁰ Багдасарян В. Э., Сулакшин С. С. Высшие ценности Российского государства. Серия «Политическая аксиология». М. : Научный эксперт, 2012; Беляева Л. А. Динамика отношения россиян к социально-экономическим и политическим изменениям // Социс. 2011. № 10; Вилков А. А. Либеральные ценности в массовом сознании россиян в постсоветский период // Новая Россия: власть, общество, управление в контексте либеральных ценностей. М., 2004; Гринберг Р. С. Свобода и справедливость. Российские соблазны ложного выбора. М.: Инфра-М, Магистр, 2012; Демидов А. И. Учение о политике: философские основания. М.: Изд-во НОРМА, 2001; Магун В. С., Руднев М. Г. Базовые ценности россиян в европейском контексте // Общественные науки и современность. 2010; Рукавишников В. В. Социологические аспекты модернизации России и других посткоммунистических обществ // Социс. 2010. № 1; и др.

²¹ Бадковский Д. Модернизация и демократия // Демократия: перезагрузка смыслов. М.: Центр политической конъюнктуры России, 2010; Гаман-Голутвина О. В. Меняющаяся роль государства в контексте реформ государственного управления : отечественный и зарубежный опыт. М., 2006; Глинчикова А. А. Демократическая модернизация и национальная культура // Полис. 2010. № 6; Дорофеев В. И. Политическая культура и модернизация современного российского общества // Проблемы политологии и политической истории. Вып. 7. Саратов : Изд-во Саратовск. госуниверситета, 1996; Торкунов А. Российская модель демократии и современное глобальное управление // По дороге в будущее / А. В. Торкунов, ред.-сост. А. В. Мальгин, А. Л. Чечевишников. М. : Аспект Пресс, 2010; и др.

²² Булдаков В. П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. 2 изд., доп. М., 2010; Вишневский А. Г. Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР. М. : ОГИ, 1998; Гудков Л. Д. Условия воспроизводства «советского человека» // Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. 2009. № 2 (100); Касамара В. В., Сорокина А. А. Постсоветская ностальгия в повседневном дискурсе россиян // Общественные науки и современность. 2011. № 6; Левада Ю. А. Homo Post-Soveticus // Общественные науки и современность. 2000. № 6; и др.

²³ Кортунов С. В. Национальная идентичность: Постигание смыслов. М. : Аспект Пресс, 2009; Рубцов А. В. Российская идентичность и вызов модернизации. М. : Ин-т совр. Развития – Экон-Информ, 2009; и др.

Проведенный анализ имеющейся литературы позволил нам констатировать, что, несмотря на наличие большого количества работ, имеет место не просто разнообразие научных позиций по большинству обозначенных направлений, но, зачастую именно антагонистических, политизированных точек зрения. Кроме того, изменение политической ситуации в мире в результате последствий мирового экономического кризиса вновь активизировало дискуссии мирового научного сообщества о путях и способах продвижения различных стран по пути демократии и социального прогресса. Идеально-типические образцы политической модернизации в условиях глобализирующегося мира, которыми нередко руководствовались многие российские либеральные исследователи, подвергаются критике и определенному пересмотру. То есть тема политико-культурного контекста модернизации не просто не закрыта, она максимально актуализирована как внутренними, так и внешними обстоятельствами.

В этой связи, **целью диссертации** является разработка теоретического ракурса анализа политико-культурного контекста современной российской модернизации, основанного на выявлении, структурировании и сопоставлении традиционных и новых тенденций в политической теории, политической практике и в массовом сознании и позволяющего оценивать и прогнозировать политические риски фрагментации идейного и ценностного пространств модернизационной политики.

Задачи исследования

1. Осуществить анализ «классических» концепций «политической культуры» и проследить направления и характер их влияния на концептуализацию проблем модернизационной политики в современной науке;
2. На примере основных трактовок мультикультурализма в европейской и отечественной политической науке выявить тенденции формирования и развития идейного и социокультурного контекстов современной модернизации;
3. Рассмотреть основные динамические характеристики процесса концептуализации в отечественной и зарубежной науке проблемы контекстов модернизационного развития вообще, и политико-культурного контекста в частности;
4. Определить основные характеристики «образа будущего» в российской политической культуре и выявить тенденции их эволюции в качестве фактора модернизации;
5. Теоретически структурировать основные параметры функциональности «образа будущего» социально-политической системы как идеологического и научно-теоретического контекста модернизационной политики в России;
6. Выделить основные институциональные константы развития политической культуры в модернизирующейся России;

7. Структурировать логику развития гражданственности как одной из базовых констант эволюции политической культуры и ресурса политической модернизации;

8. Проанализировать диалектику интереса модернизирующегося государства к политической культуре в истории и в современной России;

9. Выделить фрагментационные тенденции в политико-культурных процессах, меру и риски их воздействия на теорию и практику модернизации;

10. Проследить связь между тенденциями к фрагментации структур личности, общества, государства в современную глобализационную эпоху и возрастанием неустойчивости ценностных и идейных границ политико-культурного контекста, в котором разворачивается российская модернизация, и предложить теоретические подходы к научной концептуализации такой связи;

11. Рассмотреть особенности советского социокультурного наследия как фактора фрагментации политико-культурных процессов в условиях модернизации;

12. Концептуализировать проблему новых политических возможностей и новых рисков для современных институтов государственной власти, вытекающих из традиционного выполнения этими институтами функции конструирования и поддержания стабильности политико-культурного контекста модернизационного процесса;

13. Осуществить анализ современного состояния политических идеологий как одного из базовых элементов в структуре политико-культурного контекста модернизационной политики;

14. Рассмотреть основные перспективы складывания интегративной идеологии в условиях фрагментированного общества в качестве контекста эффективной модернизации.

Объектом исследования являются исторические и современные политологические, философские, культурологические, социологические концепции, содержащие в своей структуре различную информацию по теории и практике формирования и функционирования политико-культурных контекстов политики вообще, и модернизационной политики, в частности. Объектом исследования являются также факты современного участия российского государства, общества, отдельных граждан в конструировании политико-культурного контекста российской модернизации и его адаптации к условиям глобализации

Предметом исследования являются проблемы политологической концептуализации тех динамических характеристик политико-культурного контекста современной российской модернизации, формируемого наукой, социальной и государственной политической практикой, на основании которых является возможным прогнозирование тенденций развития модернизационного процесса.

Рабочая гипотеза. Большинство современных концепций политической культуры реализуют подход, основанный на представлении о культуре вообще и политической культуре, в частности, как консолидированной и

консолидирующейся реальности. В основу концепции настоящего диссертационного исследования положено предположение о том, что модернизационные процессы, приобретающие сегодня глобальное измерение, усиливают фрагментационные тенденции в структуре и качестве политической культуры. Поскольку современные социально-политические системы, втянутые в масштабные модернизационные ресурсозатраты, не обладают достаточными ресурсами для противодействия этому процессу, то, вероятно, фрагментационные тенденции будут в ближайшей перспективе нарастать. В долгосрочной перспективе это может обернуться принципиальным изменением свойств всего политико-культурного контекста политического процесса и соответствующей неопределенностью вектора развития этого процесса в России. Изменением свойств, связанным с рекомбинацией, изменением функциональных характеристик и ценностного статуса основных составных элементов политико-культурного пространства.

Сегодня, вероятно, этот процесс фрагментации значительно ускорен глобализацией и многообразными модернизациями, одна из которых разворачивается в России. Глобализации и модернизации, нацеливающие все процессы на приведение к единому стандарту, лишают цивилизационную систему внутренних стимулов к развитию и как бы перекашивают ее основные модели в сторону утраты своей специфической идентичности. Возникают компенсирующие тенденции в виде культурной фрагментации.

Под фрагментацией политической культуры мы понимаем динамичный, структурно сложноорганизованный процесс формирования социокультурного контекста всех политических и неполитических практик модернизации, в основании которого лежат изменения социальной значимости политических ценностей и порядков связей между этими ценностями в массовом политическом сознании.

Для консолидированных состояний политической культуры характерно простое и логичное соответствие формы смыслу, который ее наполняет. Эта простота позволяет самым разнородным социально-политическим системам быстро интегрироваться в единое политико-культурное пространство и создавать прорывы в развитии политической культуры в определенные эпохи. По мере того, как разные политические сообщества уточняют смысл, вложенный в признанные ими политические формы, адаптируют этот смысл к собственной потребности использования стандартных и общепризнанных форм, смысл начинает жить вполне самостоятельной жизнью. Иногда формы, что особенно заметно сегодня на примере арабского мира, формы либеральной демократии, наполняются смыслом, противоположным идее свободы, законности, равноправия. Возникает парадоксальная ситуация, когда именно стандартизация институциональных форм политики открывает широкие возможности для наполнения их разным, часто альтернативным смыслом, соответствующим намерениям разных народов использовать специфику своей политической культуры в качестве ответов на модернизационные вызовы и в качестве аргумента в споре за место в будущем глобальном мире.

Методология исследования основывается на представлении, что по ходу политического процесса формируется ряд основных контекстов политического, экономического и культурного свойства.

Каждый из этих контекстов по-своему определяет направленность политического процесса, выбор субъектами политики стратегии и тактики политического поведения и мышления. Каждый такой контекст представляет собой самостоятельное предметное поле для различных общественных наук. Вместе с тем, при всей своей самостоятельной функциональности и самостоятельной значимости в качестве предмета политического исследования, все эти контексты вписываются в единый политико-культурный контекст, в общую парадигму политического процесса, рамки которой задают господствующие в данную эпоху идеи и ценности, мотивации и идентичности. Важный в любой фазе политического процесса, в период модернизации этот политико-культурный «контекст-контекстов» приобретает первостепенную значимость. Постольку, поскольку определяет, выражаясь словами известного отечественного философа З. М. Оруджева «способ мышления эпохи»²⁴.

Настоящее исследование исходит именно из представления о том, что культура вообще, а особенно в политической своей части, определяет современную логику конфликтов модернизационных и антимодернизационных стратегий и тактик в России. В последние десятилетия отечественными специалистами много было сказано об определяющих свойствах российской культуры для судеб государства и общества. Проблема, однако, заключается в том, каким образом выявлять структуру этого влияния и определять его характер.

Имеет смысл изучать влияние политической культуры на политические процессы в обществах и государствах, находящихся в состоянии «фазового» перехода, или только мыслящих себя в таком состоянии, как мы это видим сегодня в России, конкретно. То есть, в ракурсе конкретных оценок, характеристик, расчетов и прогнозов, которые имеют научно-идейное и морально-ценностное подкрепление (в том числе, и в деятельности общественных и государственных институтов) и в состоянии такой подкрепленности формируют общий политико-культурный контекст всех политических и неполитических практик. Контекст изначально подвижный, структурно сложный, который нельзя свести к «вечным» идеям и ценностям уже потому, что в каждый момент его формирования и функционирования происходит критика этих «вечных» истин, их сверка с ресурсами, расчетами и решениями, находящимися в распоряжении основных политических субъектов.

Многое в методологии политических исследований встает на свои места, если представить, что сама «вечность» некоторых ключевых для современной российской политики идей и ценностей есть, в сущности, результат непрерывной сверки и критики их функциональности с теми образами будущего, которые себе рисует массовое сознание, и с теми проектами

²⁴ Оруджев З. Способ мышления эпохи. М., 2004.

политического и экономического будущего, которые массовому сознанию представляют наука и государственные институты, институты гражданского общества. На почве такой критики и переоценки ключевых ценностей возникают непрерывно расколы в политической культуре, которые дают стимул ее дальнейшему движению вперед в качестве контекста политического процесса. Эти теоретические послы определили методологическую логику исследования в диссертации политико-культурного контекста современной российской модернизации.

Для реализации данной авторской теоретико-методологической концепции использовалась также совокупность традиционных научных методов, применяемых в политологии: системный, структурно-функциональный, компаративный, нормативный, аксиологический, исторический, институциональный, социологический. Их применение основывалось на использовании универсальных базовых научных принципов системности, объективности, диалектичности, историзма и конкретности.

Источники исследования

В основу диссертационного исследования легли труды ведущих зарубежных и отечественных исследователей по различным аспектам политической культуры и политической модернизации. Они позволили критически рассмотреть разнообразные точки зрения на роль политико-культурного контекста политической модернизации, выработать авторскую теоретико-методологическую позицию, определить свой собственный ракурс на проблему, дали большое количество эмпирического материала.

Кроме того, использовались официальные нормативно-правовые акты России (Конституция Российской Федерации, законодательство, закрепляющее функционирование основных политических институтов, политические права и свободы граждан, механизмы политической социализации, особенности взаимодействия власти и общества в постсоветской России). Важное значение имели официальные программы и заявления руководителей страны, определяющие стратегию политической модернизации, обуславливающие направленность и характер информационно-коммуникационного воздействия на массовое сознание и политическую культуру россиян.

Большое значение имели материалы различных соцопросов, проводимых ведущими социологическими центрами (Левада-Центр, ФОМ, ВЦИОМ, и др.). Для выявления ценностных характеристик политической культуры различных социальных групп использовались материалы количественных и качественных социологических исследований, проведенных на промышленных предприятиях Самарской, Саратовской, Ульяновской, Пензенской, Нижегородской областей, республик Татарстан и Чувашии в сентябре-декабре 2003 года при непосредственном участии автора (количество респондентов N=3718)²⁵.

²⁵ Подробные результаты этих исследований см.: Зимин В. А. Эволюция политической культуры в Российской Федерации. Самара: Изд-во Самарского государственного педагогического университета, 2009. 296 с.

Важное место в диссертационном исследовании заняли источники Интернет-ресурсов, которые позволили использовать материалы официальных сайтов правительственных структур, политических партий, исследовательских центров, российской и зарубежной периодической печати. Они позволили выявить ранжирование политико-культурных ценностей российского населения, определить характер мотивации политического участия российских граждан и их отношение к модернизации.

Исследование совокупности данных источников на основе использования научных методов и принципов, в рамках обоснованного авторского теоретико-методологического подхода, позволило реализовать рабочую гипотезу, выдержать единую логику системного анализа и адекватно решить поставленные научные цели и задачи диссертационной работы.

Научная новизна диссертационного исследования состоит в следующем:

Даны новые интерпретации «классическим» концепциям политической культуры как контексту концептуализации проблем модернизационной политики в современной науке, позволяющие выделить моменты их неорганичности условиям современных глобальных процессов;

Обоснованы авторские оценки мультикультурализма на основе выявления основных тенденций эволюции этой политической стратегии в условиях глобализации, подразумевающие, что мультикультурализм, фактически, лишает модернизационную политику вариативности моделей прогресса;

На основе анализа основных характеристик «образа будущего» в политической культуре раскрыты его новые функциональные возможности и ограниченность в качестве идеологического и научно-теоретического элемента в той модели политической модернизации, которая реализуется в современной России.

Предложено использовать в качестве основания для построения теоретического ракурса анализа проблем российской модернизации принцип фрагментируемости политико-культурных практик и структур массового политического сознания, который дополняет представление, устоявшееся в современной науке, о доминировании тенденций к пространственной и структурной консолидации в развитии политической культуры.

В рамках нового ракурса, разработанного и обоснованного автором, проанализированы основные институциональные константы и переменные развития политической культуры в современной России и даны их оценки, вытекающие из их актуализации в условиях фрагментированного общества.

Логика эволюции гражданственности представлена в качестве базовой константы эволюции политической культуры и ресурса политической модернизации и сделан инновационный вывод о трех возможных вариантах ее динамики (консенсусный, конфликтный и уравновешенный), с обоснованием предпочтительности консенсусного варианта согласования традиционалистских и модернистских ценностей в качестве мотивов участия российских граждан в политической модернизации.

По-новому представлена и обоснована в диссертации ситуация заинтересованности государственных институтов в России в развитии политико-культурных процессов в либеральном направлении. Ее определяющим началом является высокий уровень неопределенности представлений в элитах и в обществе о политическом и культурном будущем России за пределами либеральной парадигмы.

Выделены новые фрагментационные тенденции самодостаточности в политической-культуре российских элит и общества, которые объективно задают рамки для выбора основными субъектами российской политики стратегии и тактики поведения в модернизационном процессе. Суть их состоит в приобретении самодостаточности основными структурными элементами политико-культурного пространства (идеологиями, образами политического будущего и т. д.). В этом качестве фрагментационные тенденции могут и должны рассматриваться в качестве новых и устойчивых (в перспективе) констант модернизационного процесса.

Прослежены новые связи между тенденциями к фрагментации структур личности, общества, государства в современную эпоху и возрастанием неустойчивости ценностных и идейных границ политико-культурного контекста, в котором разворачивается российская модернизация. На этой основе предложен новый теоретический подход к научной концептуализации такой связи, суть которого состоит в предположении того, что общемировая динамика процесса глобализации будет характеризоваться не сведением политического развития к единой либеральной модели, а постепенным сужением ряда тех фрагментов политической культуры, на которые современные цивилизованные общества делают ставку в глобальной конкуренции за участие в политической жизни будущего. В пользу такого предположения говорит нынешний «религиозный ренессанс» во многих странах мира, не исключая и Россию.

Обоснованы новые оценки влияния социокультурного наследия советской эпохи на политическую модернизацию в условиях современного фрагментированного российского общества. Предложены новые аргументы в пользу того, что важнейшим фактором, влияющим на противоречивость восприятия базовых демократических ценностей (справедливости, равенства, соревновательности, частной собственности, прав и свобод личности) является «синдром советскости» современной российской политической культуры, который выступает своеобразной призмой для соотнесения ценностных приоритетов, пропагандируемых сегодня, с теми трактовками данных ценностей, которые имели место в советский период.

На основе принципов и подходов, представленных в диссертации, концептуализирована проблема новых политических возможностей и новых рисков для современных институтов государственной власти. Риски возникают в связи с выполнением этими институтами функции конструирования и поддержания стабильности политико-культурного контекста модернизационного процесса. В этой связи предложена новая аргументация той

особой роли и ответственности государства, которая возникает у него в результате усилий по регулированию информационно-коммуникационного пространства.

Предложен новый ракурс анализа современного состояния политических идеологий, как базового элемента в структуре политико-культурного контекста модернизационной политики, в основание которого положено представление о большом потенциале, но фактической нереализованности интегративной функции современных идеологий.

Положения, вынесенные на защиту

1. Как показал анализ тех концепций, на которые опирается современное научное видение политико-культурных процессов, главным их недостатком является то, что в большинстве своем они исходят из принципа линейности прогресса политико-культурных пространств. Любые отступления от такой линейности рассматриваются в качестве симптомов деградации и разрушения политических культур, таящих в себе угрозу не только для модернизации, но и для прогресса политической жизни в целом. Для линейного восприятия процесса всегда важно, к какой точке этот процесс придет. Когда речь заходит о политико-культурном процессе, то укоренившаяся в современной науке линейность его восприятия выводит на передний план идеализированные либеральные принципы, нормы и ценности в качестве конечной точки социокультурного развития модернизирующихся обществ.

2. «Нелинейный» ракурс, который предложен в диссертационном исследовании, основан на представлении о политической культуре, как процессе, в котором перманентно заложены и одновременно проявляют себя как потенциальные возможности к консолидации его структур, к максимальной внутренней органичности всех его элементов, так и к внутренней дезорганизации, следствием которой является фрагментация пространства политической культуры. При этом отдельные фрагменты этого пространства имеют такой уровень самодостаточности, при котором исследователь может «сложить» из них любые интерпретации состояний политико-культурного пространства, вплоть до взаимоисключающих вариантов.

3. В исследованиях нередко можно наблюдать ситуацию, когда одни авторы превозносят достижения демократического политико-культурного процесса и делают заключение о том, что Россия продвинулась по пути демократизации так, как не продвинулось большинство стран на постсоветском пространстве. Другие критикуют демократические новации, считают их формальными, не изменяющими глубинной сути российской цивилизации. При этом, те и другие оперируют одними и теми же характеристиками политической культуры, которые, как самодостаточные элементы, легко извлекаются из реально существующего контекста политического процесса в России и складываются в различные теоретические комбинации. Получается, что в равной степени научно обоснованными выглядят определения российской политической культуры сегодня как ориентированной на модернизацию, и, в то же время, как глубоко традиционалистской и даже патриархальной. Как

системы, в которой, с одной стороны, доминируют ценности демократического плана, и как системы, в которой, с другой стороны, все политическое развитие подчинено ценностям авторитаризма. На таком разбросе научных оценок невозможно построить логически целостное прогнозирование политико-культурных процессов и политических процессов вообще.

4. Самодостаточный характер, например, все более приобретает «образ будущего» России. В политико-культурных системах, развивающихся в направлении консолидации идей, ценностей, идентичностей, такая консолидация происходит как раз вокруг «образа будущего». Сегодня же «образ будущего» России в массовом сознании размыт. Он раздроблен на конкурирующие между собой (и в равной степени слабо подкрепленные научной и идеологической аргументацией) проекты, по большей части воспроизводящие либо прошлый отечественный, либо прошлый зарубежный опыт решения модернизационных задач.

5. Единство фрагментированного пространства политической культуры в современной России обеспечивается в настоящий момент сохраняющимися прежними связями его элементов. Симптомы перехода к новой консолидации проявляются в активных поисках политическими элитами и обществом согласия по таким ключевым вопросам, которые определяют будущее страны и могут стать структурными элементами нового идеологического консенсуса субъектов российской политики (оборона, реиндустриализация, образование, электоральные практики, социальная политика, патриотические стратегии развития). Происходит перегруппировка структурных элементов внутри российского политико-культурного пространства, которое не утратило своей традиционной общей специфики и традиционной целостности.

6. Обосновано предположение, что известная самодостаточность элементов политической культуры и их обособленность, есть естественное состояние для политической культуры, находящейся в фазе перехода к новому вектору развития. Нечто подобное можно было наблюдать прежде, в том числе в 80-е – 90-е годы прошлого века, когда перегруппировка идей, ценностей, идентичностей внутри пространства советской политической культуры привела к быстрой последующей, хотя и относительно кратковременной, консолидации этих элементов вокруг образа либерального будущего «постсоветской» России. Этот образ на некоторое время сделал общество и политическую элиту единомышленниками и обеспечил переход всей российской социально-политической системы в начале нынешнего столетия в совершенно новое, так называемое «постсоветское», качество.

7. Преимущество «нелинейного» ракурса состоит в том, что он позволяет научными средствами отследить достаточно растянутый в пространстве и времени и проявляющий себя в самых противоречивых формах процесс перехода от относительно консолидированного состояния пространства политической культуры в советскую эпоху к его относительно фрагментированному состоянию сегодня. На его основе можно выделить в пространстве политической культуры те области (как правило, связанные с

различными социальными практиками, в том числе, с наукой), в которых эти процессы фрагментации зарождаются, набирают силу и темп, и те, в которых они проявляют себя пока еще недостаточно отчетливо. Именно так можно проанализировать в деталях, как трансформации политико-культурного пространства сказываются на модернизационном процессе, придают этому процессу неоднозначность и сложную динамику. Появляется, таким образом, возможность вписать логику развития российского политико-культурного процесса в общий контекст тех сложных изменений, переходов и трансформаций, которые происходят с политическими культурами большинства современных цивилизованных обществ под влиянием глобализации.

8. Сложность предложенного теоретического ракурса состоит в том, что его использование требует от исследователя дополнительных усилий по изучению процессов, происходящих в пространствах, сопредельных с пространством политической культуры (в экономической, административной, правовой сферах и т. д.), с которыми он должен определенным образом соотносить свое понимание социокультурных процессов. Исследователь, в сущности, в этом случае должен параллельно отслеживать процессы фрагментации и консолидации по максимально широкому спектру социальных практик, из которых складывается модернизационный процесс. Проявления политических идентичностей, политических идей и ценностных ориентаций массового и индивидуального сознаний в этих, формально обособленных от политической сферы, практиках в конкретный период времени и в конкретном месте, позволяют исследователю теоретически структурировать общее пространство политики и судить о том, в каком направлении меняется его качество.

9. Опыт 1990-х гг. показал насколько опасно для общества, когда такая связь и соотношение утрачиваются, когда труд перестает быть обязательным атрибутом целостной и состоятельности личности, а состоятельность эта напрямую оценивается по доле присвоенного (неважно как) общественного продукта. Когда на смену приверженности человека принципам справедливости и его стремлению к образованию приходит установка: «Если ты такой умный, то почему не богатый?». Когда патриотизм престаёт быть целостной идентичностью личности и дополняет собой идеологически ориентированные либеральные, леворадикальные и консервативные идеологические идентичности граждан и элит. Когда, по сути, происходит не разобщение элементов политико-культурного пространства, не «растяжение» связей между ними, позволяющее стороннему наблюдателю воспринимать эти элементы как самодостаточные факторы политического процесса, а имеет место нарушение самой внутренней логики построения системы именно как системы культурных связей на почве определенного видения людьми политической реальности, окружающей их. При таких обстоятельствах говорить о «фрагментации» политической культуры и о возможностях прогнозирования рисков ее дальнейшего развития не имеет смысла:

общественная жизнь приходит в то дополитическое состояние, когда ее движущим началом становятся уже не интересы властвования и подчинения, а интересы биологического выживания бывших «политических субъектов».

10. Процесс такого разрушения политико-культурного пространства, с начала 2000-х годов приостановился. Если судить по тенденциям к постепенному восстановлению в сознании общества и элит понимания значимости связей между такими «опорными точками» политико-культурного пространства, как патриотизм, справедливость, гражданская ответственность, образованность и т. д., то, вероятно, можно говорить о том, что процесс этот пошел вспять. Результатом его является то состояние фрагментированности российского политико-культурного пространства, в контексте которого разворачивается нынешняя российская модернизация со всеми ее внутренними противоречиями, вытекающими из факта такого состояния политико-культурного контекста.

11. В нынешнем своем научном видении фактора политико-культурных традиций отечественные политологи чаще всего исходят из понимания традиции как ресурса или механизма стабилизации социально-политической системы и поддержания такой стабильности на относительно длительном промежутке времени. С учетом предложенного нелинейного ракурса, это могла бы быть методология, основанная как раз на представлении о том, что более важным (по крайней мере, в условиях современности) свойством политико-культурной традиции является ее способность оказывать тормозящее и регенерирующее воздействие на процессы распада социально-политических систем.

12. Возможно есть своя логика в поведении нынешней политической элиты России, которая в своих модернизационных научных разработках и идеологических проектах (некоторые из которых были проанализированы в диссертации), делает ставку на традиции все же в заметной степени больше, чем на идейные и политические новации. За это нынешняя политическая элита подвергается критике со стороны различных общественных сил. Но, в данном случае, как представляется, политическая элита в современной России (возможно интуитивно больше, чем осознанно) берет на вооружение в практической политике именно то, что оказывает максимальное тормозящее воздействие на процессы распада политического пространства, которые в любой момент могут возобновиться без должного контроля за ними.

13. В условиях, когда в политическом пространстве России наблюдается борьба модернизационных и антимодернизационных тенденций и весь политический процесс приобретает высокий уровень альтернативности и рискованности, говорить о достаточности использования для объяснения данной ситуации какой либо одной группы теоретических концепций, тяготеющих к какому-либо одному пониманию сути, функций, вектора развития политической культуры и сути модернизационного процесса, неправомерно. Это особенно важно с учетом выявленной в диссертации тенденции: в то время, как модернизационные процессы меняют окружающий

нас политический мир (и это непосредственным образом сказывается на состоянии политических культур разных народов), ориентирует эти народы на поиски собственных «суверенных» вариантов цивилизационного развития, политическая теория продолжает ориентироваться на популяризацию либеральной парадигмы прогресса политической культуры, либеральные концепты модернизации, либеральные концепты политических идентичностей. Иначе говоря, большая часть того, что сегодня могло бы определить прогресс самой политической науки в силу господствующих в ней традиций остается вне поля зрения исследователей.

14. Прежде всего, из поля зрения исследователей практически выпала проблема «образа будущего». Точнее было бы сказать, что в последние два десятилетия эта проблема из научной превратилась в проблему публицистическую. Стало доминировать ее чувственное восприятие, что не могло не сказаться на отношении массового сознания и самого научного сообщества к проблеме идеологических ориентаций нынешней российской модернизации. Отсутствие у нее ясно выраженных целей и смысла в контексте такой публицистической направленности исследований «образа будущего» стало восприниматься исследователями как само собой разумеющийся факт. В результате идейной опорой модернизации стали многочисленные и крайне противоречивые «проекты» политического будущего России, представляющие собой попытку на чувственном уровне синтезировать элементы прежних «классических» идеологий с откровенной политической эзотерикой и провиденциалистскими подходами к анализу политической реальности.

15. В том, что модернизационный процесс в современной России имеет такой политико-культурный контекст заключено, на наш взгляд, немало политических рисков. Главный состоит в том, что общество и элиты постепенно теряют интерес к реальной модернизации и в расхождении политической теории и политической практики находят полноценное основание такой своей индифферентности. Задача науки и видится в том, чтобы актуализировать данную проблему и подвести под модернизационный проект адекватную текущим наличным ресурсам и возможностям, а также социокультурным особенностям, реалистичный план демократических преобразований России на основе понятного и положительно воспринимаемого большинством населения образа ее будущего.

Апробация результатов исследования

Основные положения, определяющие содержание диссертации, были опубликованы в 6 монографиях, 27 статьях в журналах из реестра ВАК, 67 статьях в научных сборниках и материалах конференций общим объемом 129,8 п. л., а также в 5 учебных пособиях (69,1 п. л.). Кроме того материалы диссертации были апробированы в 1999–2012 годах на 34 международных, 37 российских, 6 региональных, 5 межвузовских научных и научно-практических конференциях, в городах Москве, Санкт-Петербурге, Саратове, Самаре, Пензе, Тольятти, Уфе, Твери, Нижнекамске, Екатеринбурге, Сызрани, Балашове, Таганроге. Наиболее значимые среди них:

VI (Шестой) Всероссийский конгресс политологов «Россия в глобальном мире: институты и стратегии политического взаимодействия». (Москва. 22–24 ноября 2012 года.); Международная научно-практическая конференция «Власть, общество и бизнес в регионе:

перспективы эффективного взаимодействия» (Саратов, Саратовский государственный университет, юридический факультет. 2–3 июля 2012 года); VIII Международная научно-практическая конференция «Экономика, социология и право: новые вызовы и перспективы» (Москва, Научно-информационный издательский центр «Институт стратегических исследований». 10–11 апреля 2012 года); I Международная научно-практическая конференция «Экономические и социальные науки: прошлое настоящее и будущее» (Москва, Издательский Дом «Экономическая газета». 10 апреля 2012 года); Международная научно-практическая конференция «Наука и культура России». (Самара, Самарский государственный университет путей сообщения. 25–27 мая 2009 года); I Международная научная конференция «Социальные инновации в культурном процессе: стратегии развития и преобразования». (Самара, Самарский центр ЮНЕСКО, филиал Московского государственного университета сервиса в г. Самаре и др. 4–5 декабря 2004 года); VI Международная научно-практическая конференция «Реальность этноса. Образование и национальная идея». (Санкт-Петербург, Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена, 2–5 марта 2004 г.); III Международная научно-практическая конференция «Проблемы образования в современной России и на постсоветском пространстве». (Пенза, Приволжский Дом Знаний и др. 23 января 2004 года.); Международная научно-практическая конференция «Теоретические и прикладные проблемы психологии». (Пенза, Приволжский Дом Знаний, Министерство образования Пензенской области. 17–18 ноября 2003 года); V Международная научно-практическая конференция «Реальность этноса. Этнонациональные аспекты модернизации образования». (Санкт-Петербург, Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена. 18–21 марта 2003 года.); Международная научная конференция «Евразийство: историко-культурное наследие и перспективы развития». (Уфа, Башкирский государственный педагогический университет, Центр этнологических исследований РАН и др. 14–15 сентября 2000 года.); Российская научно-практическая конференция «Взаимоотношение культур и проблемы национальной идентичности». Уфа, Восточная экономико-юридическая гуманитарная академия. 14–15 декабря 2005 года; IV Всероссийская конференция по исторической психологии российского сознания. Самара, Самарский государственный педагогический университет и др. 1–2 июля 2004 года; Всероссийская научно-практическая конференция «Патриотическое и национальное воспитание: опыт, проблемы, перспективы». Тверь, Тверской государственный университет. 26 апреля 2004 года; Всероссийская научная конференция «Электоральные процессы в формировании политической власти в современной России: региональная практика». Саратов, Саратовский государственный университет имени Чернышевского. 23–25 декабря 2002 года; и др.

Кроме того, диссертация была обсуждена на заседании кафедры политических наук юридического факультета Саратовского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского 6 февраля 2013 года.

Теоретическая и практическая значимость диссертационного исследования заключается в том, что разработан исследовательский подход, позволяющий использовать научное знание о фактическом состоянии современной политической культуры в России и мире, о мере осмысленного участия науки и массового сознания в определении ориентиров ее развития, в качестве теоретического инструмента анализа перспектив модернизационных процессов. Теоретический подход, предложенный и апробированный в диссертации, дополняет новыми возможностями методологию исследований политической культуры, устоявшуюся в отечественной политологии за последние два десятилетия.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, пяти глав (15 параграфов), заключения, списка использованных источников и литературы, приложения.

Основное содержание работы

В первой главе «**Смена парадигмы исследования социокультурных основ политики в условиях глобализации**» основные тенденции в эволюции научных подходов к анализу политической культуры.

В разделе **1.1. «Основные трактовки сущности и функциональности политической культуры»** на основе анализа основных понятий политической культуры и различных трактовок ее структурных характеристик и функциональности, автор приходит к констатации, что политическая культура представляет собой не просто сложное и многогранное, постоянно развивающееся явление, обусловленное особенностями исторической динамики конкретного сообщества, но феномен, для которого естественной характеристикой является его фрагментированное состояние.

Большинство исследователей сходятся в том, что политическая культура представлена мыслительной деятельностью людей, но не сводится к отдельным когнитивным элементам, а раскрывает свою специфику через функциональность в практической сфере – посредством проявлений различных способов и средств политического действия отдельных индивидов, социальных групп и социума в целом. Именно практическая функциональность политической культуры и определяет, прежде всего, ее специфические черты и особенности.

В то же время нужно учитывать, что деятельностная политическая культура, воплощенная в различной степени участия граждан в общественной жизни страны, представляет собой не простую совокупность знаний о политике, применяемых на практике, но и результат исторического политического и социально-экономического опыта, а также отражение тех традиций, которые определены общим духовно нравственным развитием данного социума. Последнее проявляется в политической культуре в особым образом ранжированной системе ценностей, которые и выступают мотивационным основанием конкретного поведения отдельных граждан и социальных групп в политике. Это особенно важно для определения социокультурного контекста и перспектив политической модернизации в современной России.

В этой связи, степень и характер политической активности социума и отдельных индивидов определяются не столько конституционным закреплением основных прав и свобод граждан, сколько характером реальных взаимоотношений между обществом и властью, степенью легитимности политической системы и ее отдельных институтов и механизмов. Уровень их легитимности в значительной степени зависит от идеально-типических представлений и ожиданий, обусловленных предшествующим историческим опытом данного общества.

Данная трактовка была использована автором для анализа конкретного состояния политической культуры в современной России, тенденций ее эволюции, выявления имеющихся противоречий и препятствий на пути реализации модернизационных задач и демократизации взаимоотношений между властью и обществом.

В разделе 1.2. «**Концепции мультикультурализма и противоречия глобализации**» обосновано, что в рамках заявленной автором рабочей гипотезы о фрагментированности политической культуры как естественном ее состоянии, представляется важным и научно значимым соотнести ее с имеющимися концепциями мультикультурализма, которые достаточно широко представлены в зарубежной и отечественной политологии. Именно концепции мультикультурализма стали одним из важнейших направлений исследования социокультурных оснований процесса глобализации и оказали существенное влияние на представления отечественных исследователей о социокультурных факторах политической модернизации в постсоветской России. С идеями мультикультурализма многие исследователи связывали и продолжают связывать надежды на разрешение тех противоречий и конфликтов, которые со всей наглядностью обозначились в результате процессов глобализации.

Концепция мультикультурализма рассмотрена автором в трех контекстах, которые присутствуют в исследованиях по данной проблематике – политическом (получившем закрепление на нормативном уровне во многих европейских странах), дескриптивном (нашедшем отражение во многих научных исследованиях и в дискуссиях) и статусном (нашедшем отражение в повышении толерантности политической культуры многих европейских сообществ, общественном признании различий и поддержке культурного многообразия).

В разделе проанализировано, каким образом изменились данные три контекста в мировой политической системе и в научной литературе с момента обоснования и внедрения политики мультикультурализма (с учетом нерешенности многих старых проблем и обозначившихся новых противоречий). По мнению автора, ключевым моментом стала проблема стратегического выбора общей модели мирового общественного развития, которая существенно влияет и на проблему взаимоотношения различных культур как на уровне отдельных государств, так и на уровне культурных сообществ внутри стран.

Сторонники различных трактовок мультикультурализма, предлагают свои варианты решения наиболее острых проблем, назревших в западных странах в результате процессов глобализации. Важнейшее значение имеют проблемы крупных и сложных в социальном отношении полиэтничных и поликонфессиональных государств, в рамках которых мультикультурализм рассматривается как средство разрешения противоречий, обусловленных наличием многообразия культур, объединенных единой политико-правовой и социально-экономической системой. Тем не менее, в целом, по мнению автора, концепция мультикультурализма в ее практическом применении может быть

оценена, прежде всего, как научное обоснование формирования цивилизованных демократических отношений между представителями разных культур в условиях глобализации, вольно или невольно служащее прикрытием новой идеологии геополитического воздействия и контроля за мировым пространством с помощью «мягкой силы».

В этой связи, одной из причин кризиса политики мультикультурализма представляется объективно возникающее противоречие между провозглашаемыми ею ключевыми принципами равенства культур, признания и уважения иной культуры, толерантности к проявляемым различиям культур и необходимостью ответа на вопрос о границах данной терпимости. Для России данная проблематика имеет особую актуальность, которую предопределяет противоречивый исторический процесс ее формирования и развития как полиэтничного и поликонфессионального государства, который привел к тому, что на протяжении столетий формировалось и поликультурное пространство.

В главе 2. **«Основные трактовки социокультурных оснований концепций модернизации»** представлены основные научные подходы к анализу места и роли социокультурного фактора в основных направлениях концептуализации политической модернизации.

В разделе 2.1. **«Социокультурные аспекты теорий политической модернизации в зарубежной политологии»** рассмотрены основные трактовки концепции модернизации и выявлены ключевые тенденции их эволюции. Возникнув как естественная реакция на распад религиозно-метафизических картин мира, концепция политической модернизации основывалась на целерациональном подходе к преобразованию социальной действительности на основе расширения прав и свобод граждан, внедрения демократических ценностей в политическую культуру и практику цивилизованных сообществ, в результате закрепления их на нормативном и институциональном уровнях.

Несмотря на наличие различных подходов к пониманию путей и способов модернизации (либеральный, консервативный, плюралистический, и др.), ключевой характеристикой большинства рассмотренных в разделе концепций является европо- и американоцентризм. Суть их состоит в обосновании того, что развитие всех стран и сообществ неизбежно будет происходить в одном направлении, с ориентацией на модель западноевропейских стран. Несмотря на то, что в конце XX века в концепциях политической модернизации все более сильно обнаруживается понимание нелинейности, сложности и противоречивости модернизационных процессов, проявляется тенденция соединения принципов универсализма с партикуляризмом на основе учета социокультурных особенностей различных стран (А. Абель-Малек, А. Турен, С. Хантингтон, Ш. Эйзенштадт и др.), но, тем не менее, признание стратегического вектора универсальности общественного и политического развития остается доминирующим.

Большинство сторонников различных конкретных подходов к модернизации сходятся в следующем: эти теории основываются на признании неравномерности общественного развития, наличия досовременного периода

развития государств, реальности существования современных сообществ, а также на понимании необходимости преобразования отсталых стран в индустриальные. Термин «модернизация» означает одновременно и стадию общественных преобразований, и процесс перехода к современным обществам. В конечном итоге теория модернизации превратилась в обоснование некоей общей модели глобального процесса развития цивилизации.

Ее приоритетной целью было названо изменение социально-экономических и политических структур, которое могло проводиться и вне западной демократической модели. В связи с этим появились теории «частичной модернизации», «тупиковой модернизации», «форсированной модернизации», «кризисного синдрома модернизации» и т. д. Главный упор в данном случае стал делаться на национальную форму модернизации, а в качестве определяющего фактора для характера и темпа переходных преобразований стал признаваться социокультурный фактор.

В разделе 2.2. **«Политико-культурный контекст политической модернизации в отечественной науке»** рассматриваются особенности научных подходов к данной проблеме в российском политологическом и общественно-политическом дискурсах. Важнейшими направлениями исследований являются проблемы глобального контекста модернизации в современной России, а именно вопросы о соотношении универсализма и партикуляризма модели российских преобразований, о неизбежности следования западным калькам либеральной модернизации, или о возможности достижения целей модернизации особым уникальным способом, на основе учета специфических социально-экономических и социокультурных характеристик данного конкретного общества.

Российские либеральные реформаторы, продолжающие настаивать на неизбежности ориентации на западную модель политической модернизации, рассматривают ее в качестве самодостаточной цели, которую нужно внедрять, невзирая на отсутствие поддержки со стороны большинства российского населения. Расчет делается примерно на одну пятую населения, представляющую инициативных российских граждан (сосредоточенных в столицах и крупных городах России), являющих собой, по мнению сторонников западной ориентации, социальный капитал либеральной модели модернизации. Такая навязанная модернизация создаст предпосылки и условия для преодоления архаичных и традиционалистских позиций большинства населения в провинциальной России и его постепенного втягивания в модернистские отношения.

Почти все исследователи, признавая наличие цикличности в соотношении реформ и контрреформ в истории России, не акцентируют внимание на определенной цикличности также и в либеральной научно-концептуальной и политико-идеологической аргументации необходимости проведения либеральной модернизации и оценках ее результатов в истории России (по крайней мере XX–XXI столетий). Схематично алгоритм данного цикла состоит из следующих этапов: развернутая острая критика накопившихся

общественных проблем и существующего режима как главного препятствия на пути их решения; обоснование целесообразности и выигрешности либерального варианта проведения модернизации, как единственно возможной предпосылки решения социально-экономических и иных общественных проблем; начало проведения либерального модернизационного варианта; отсутствие заявленных и публично обещанных результатов его проведения; поиск объективных и субъективных причин неудач и ответственных за срыв либеральных реформ (точнее за их реальные результаты), в качестве которых чаще всего определяется сопротивление консервативных сил и отсутствие модернизационных качеств у большинства населения; маятниковый откат российского общества в результате дискредитации либеральной модели модернизации; критика данного отката и обоснование более последовательного проведения радикальных либеральных реформ как единственно возможного и правильного варианта решения накопившихся общественных проблем и существующего режима как главного препятствия на пути их решения.

Такой цикл либеральной модернизации, в 1917 г. привел к кровавой гражданской войне и установлению большевистской диктатуры. В конце 1980-х начале 1990-х гг. – к разрушению СССР и значительному ослаблению экономического и социального потенциала страны. Сейчас видится начало концептуального и идеологического обоснования третьего цикла либеральной модернизации с очередными непредсказуемыми результатами и последствиями.

Более обоснованной представляется концепция модернизации, в соответствии с которой важнейшую роль в ее обосновании и проведении играет социокультурная составляющая. С одной стороны, такая модель должна соответствовать общепризнанным демократическим ценностям, а с другой, – быть тождественной исторически обусловленным ментальным особенностям политической культуры населения конкретной страны. В этом случае в качестве ключевых самодостаточных целей модернизации определяются такие социальные ценности, как экономический рост, демократия, справедливость, равенство, благосостояние большинства населения, стабильность, порядок. Оптимизация этих важнейших областей общественных отношений возможна только на основе учета реальных возможностей и реальных социокультурных характеристик большинства российского населения.

В главе 3. **«Образ будущего» в российской политической культуре как фактор модернизации** рассмотрена его социокультурная функциональность в модернизационном процессе.

В разделе 3.1. **«Функциональность образа будущего в структуре политической культуры»** представлен анализ методологических оснований этого важнейшего социокультурного элемента, от конфигурации и свойств которого во многом зависит, будет ли пространство политической культуры консолидированным вокруг этого образа, или же тяготеющим к фрагментации в направлении приобщения к разным, часто конфликтующим образам будущего.

Образ будущего любой политической реальности всегда есть интеллектуальная реакция на определенный социальный заказ, на потребность общества и элит пребывать в уверенности в своем завтрашнем дне. Отсутствие уверенности тоже выступает реальным стимулом для стратегически-поисковой активности различных политических субъектов, правда лишь до определенного момента, когда такая неопределенность не провоцирует тотальную истерию, которая заканчивается нахождением «сильной руки», выводящей систему из состояния неопределенности «хоть в какое-то» устойчивое состояние.

В любом состоянии образ будущего обладает значительной структурной сложностью, и его структурные элементы обладают различными динамическими характеристиками. Не случайно на основании факта такой сложности и разнообразной динамичности политологи выделяют реальный «образ будущего», желаемый «образ будущего», идеальный «образ будущего», конструируемый «образ будущего», прогнозируемый «образ будущего» и актуализированный «образ будущего». Точно так же, как они, по ряду ключевых признаков (среди которых отношение людей к своему будущему и способам его достижения играет первостепенную роль) достаточно разнообразно определяют суть политической культуры. Следуя ему, на выходе исследователи часто обосновывают диаметрально противоположные оценки: одни исследователи говорят о неких «исконных и вечных» характеристиках российской политической культуры, другие же говорят о необратимости процессов ее разрушения и о прогрессирующем политическом бескультурье российских элит и граждан, третьи дают обнадеживающие прогнозы ее возвращения на либерально-демократическую «столбовую дорожку мировой цивилизации».

Спасение от этой деструкции элиты и общество сегодня, как и в прошлом, находят путем подмены в структуре политической культуры образа будущего образом прошлого, образом того «золотого века», которому не были свойственны современные тяготы и противоречия и к которому есть смысл вернуться и там, в этом будущем-прошлом создать новый политический мир. Усилиями политических, интеллектуальных элит и массы простых граждан, привлеченных хорошо различимыми и понятными им контурами будущего-прошлого, политическая культура здесь почти сливается с традицией. Традиция становится гарантом будущего социально-политической системы.

Нынешняя модернизационная стратегия как бы выводит проблему конструирования такого образа будущего за пределы пространства политически значимых проблем. Сегодня, особенно после отказа политической элиты поддерживать идеологический проект «суверенной демократии» (сам по себе недостаточно разработанный даже в смысле конкретных контуров путей движения к вероятному будущему), российскому обществу стало практически невозможно судить о политических намерениях государственной власти и руководствоваться этим суждением в вопросах определения своих политико-культурных детерминант. Это очень опасная ситуация, т. к. она отражает такое свойство «образа будущего», как его тесную связь с настоящим состоянием

общественно-политического и социально-экономического развития страны. Отсутствие положительного «образа будущего» свидетельствует об отсутствии устойчивого ценностного ядра политической культуры большинства россиян, об отсутствии социального оптимизма, как мотивационного фактора активного участия россиян в модернизационных процессах и соответственно в целенаправленном формировании этого будущего.

В разделе 3.2 **«Образ будущего» в дореволюционной политической культуре**» на основе проведенного анализа констатируется, что идеальный образ общественно-политического устройства и соответственно «образ будущего» в представлении большинства российского населения не был связан с какой либо конкретной идеологией, которые пытались внедрить различные политические силы дореволюционной России. Особенностью образа будущего, как он сложился в массовой политической культуре дореволюционной России, была его вписанность в религиозный контекст. Он подразумевал, что земное существование рассматривалось, прежде всего, как время, отпущенное для испытания и проверки на прочность приверженности православным нормам каждого конкретного человека. Русский монархизм в качестве определенного измерения массовой дореволюционной политической культуры, предстает как бы двухполюсным: в нем «монархия» служит либо полюсом притяжения положительных человеческих чувств и мыслей, либо она же выступает полюсом, вокруг которого концентрируется весь социальный негатив. Как представляется, в силу именно этой полюсности монархии как ценности удавалось многие века удерживаться в центре российской политической культуры, концентрировать на себе внимание всех субъектов российской политической жизни.

Не менее, чем религиозный контекст, на фрагментированное состояние политической культуры социальных «низов» влиял и контекст экономический. В определенном смысле, экономический контекст в России пересекался с религиозным контекстом: принципы «кто не работает – тот не ест»; «земля принадлежит тем, кто на ней работает»; «мы ваши, а земля наша»; государь обеспечивает порядок среди подданных, справедливый суд и защиту всех обиженных; слуги государевы обеспечивают управление и защиту от иноземных супостатов и т. д. Все эти принципы находили легитимацию в религиозных представлениях людей той исторической эпохи. Крестьянство, как и любую социальную группу, образ политического будущего дробил на страты, для определения границ которых у самой государственной власти самым надежным критерием оказывается критерий экономический. Приобретала идеологический смысл связь между экономическим статусом крестьянина и его политическими предпочтениями. Градации «общинник» и «хуторянин», «батрак», «середняк», «бедняк», «кулак» становились, по сути, политико-культурными градациями в крестьянской среде, за каждой из которых стоял и определенный, чаще всего недостаточно четко оформленный, проект политического будущего, в котором доминируют интересы какой-то конкретной группы крестьянского населения.

Возникла потребность во вмешательстве «третьей силы», каковой традиционно выступала авторитарная государственная власть, которая обеспечивала возвращение крестьянства к более-менее консолидированному состоянию его политической культуры посредством идеологического и правового насилия. Государство насаждало в низах социума собственный, как правило, безальтернативный, проект политического будущего, в котором всем группам крестьянства отводилась та, или иная, но, как правило, вспомогательная в политическом смысле, роль. Тем самым снимался с повестки вопрос о конкуренции образов будущего в политической культуре крестьянского большинства и внешне российское общество, особенно в своих «народных» основах, начинало выглядеть достаточно консолидированным в политико-культурном отношении. Государственной элите это давало возможность в политике заявлять себя представительницей политических, экономических и культурных, правовых интересов «народа», силой, которая ведет этот «народ» к светлому политическому будущему.

Так происходило во всех российских модернизациях последних двух столетий, в которых социальные низы, крестьянство в первую очередь, противопоставляли государственной стратегии модернизации богатый спектр альтернативных образов будущего. Государственная власть этот образ приспособляла под свои нужды. В результате модернизации приобретали заведомо незавершенный характер. Незавершенный настолько, насколько искусственным и насильственным было замещение в политической культуре «низов» российского общества фрагментированного общественного образа будущего целостным государственно-властным образом будущего.

В разделе 3.3. **«Образ будущего» в советской политической культуре** рассмотрена научная рефлексия советского опыта формирования целостной и единой для элит и общества политической культур. Этот опыт интересен для политической науки, поскольку он зримо представляет технологии и ресурсы, посредством которых государство имеет возможность поддерживать в относительно целостном состоянии пространство политической культуры, которое в любом сложно организованном обществе проявляет стремление к внутренней фрагментации.

Образ будущего в структуре советской политической культуры столь же структурно и содержательно сложен, как неоднородна и сложна была сама эта культура. Несмотря на свою «утопичность» советский образ будущего стал важнейшей предпосылкой сплочения разнородного полиэтничного советского общества и фактором невиданного социального энтузиазма. Он стал мощной мотивационной пружиной, позволившей не только совершать трудовые подвиги, но и выиграть самую страшную в истории России войну с фашистской Германией. Смысл этого образа существенно отличался от дореволюционных представлений о справедливом общественно-политическом устройстве, основанных на религиозных и общинных ценностях и принципах. В результате тотальной индоктринации основ социалистической идеологии каждый советский школьник прочно усваивал, что живет в стране, которая показывает

образец всему человечеству в построении нового счастливого общества без частной собственности, без эксплуататорских классов и социального неравенства. В основе воспитания нового советского человека лежало мессианское позиционирование его, как строителя «светлого будущего всего человечества».

Образ счастливого коммунистического будущего не был статичным и однозначным. В первые годы советской власти важнейшим элементом этого «образа будущего» была идея мировой революции и интернационала (военно-политического союза) трудящихся разных стран. В годы индустриализации и насильственной коллективизации акцент делался уже на организационно-производственной стороне коммунистического будущего. С момента провозглашения конкретных сроков построения коммунизма в его образе акцент стал переноситься на морально-нравственные и гражданские характеристики советского человека.

Большинство исследователей советского опыта формирования политической культуры общества средствами идеологического воздействия на массовое сознание объединяет признание высокой внутренней структурной и качественной целостности советской модели политической культуры и признание ключевой роли коммунистического образа будущего в обеспечении такой целостности.

Противники в качестве контраргумента возражают, что, в конце концов, советские граждане в массе своей не только не выступили на защиту социалистического строя и его завоеваний, но и поддержали переход к рынку и демократии. Это действительно выглядит как массовый отказ от коммунистического представления о будущем страны в пользу либерального образа будущего. Фактически, в последние годы «перестройки» произошло манипулирование массовым сознанием, на основе накопленного недовольства недостатками социалистического строя и на основе некорректного и латентного отождествления либерального образа будущего с ожиданиями массового сознания от наступления будущего коммунистического.

В целом, анализ общей динамики «образа будущего» на протяжении последних трех столетий отечественной истории позволяет заключить, что в той мере, в какой политическим элитам удавалось лучше, или хуже соотносить идеологизированный образ будущего со свойствами тех разнообразных образов будущего, которыми жило массовое сознание, элитам удавалось брать под свой контроль различные сегменты политико-культурного пространства и определять направленность развития политической культуры в этих сегментах. Образ будущего в политической культуре, таким образом, можно рассматривать в качестве инструмента, обеспечивающего управляемость политико-культурных процессов. По крайней мере в тех пределах, которые устанавливаются заинтересованностью действующих политических элит в конструктивном взаимодействии с обществом как главным носителем политической культуры.

В разделе 3.4. «**Образ будущего**» в политической культуре современной России» представлены социокультурные характеристики, отражающие представления о стратегической направленности, сущности и перспектив постсоветских преобразований.

Анализ показал, что переформатирование представлений о будущем страны в постсоветский период не устранило тенденцию к сохранению фрагментированности пространства политической культуры. Как и два столетия тому назад, граждане современной России живут разными представлениями о будущем, спектр которых колеблется от катастрофических сценариев до почти религиозной веры в неизбежность наступления либерального «царства» политической и экономической свободы, правопорядка, гражданской ответственности и властной справедливости. То есть, «царства», за формальными институциональными и нормативными очертаниями которого явно просматриваются признаки прежней имперской консервативности и советской коммунистичности.

«Образ будущего», который формировался у населения в результате процессов гласности в период «перестройки» и в результате целенаправленного воздействия будущих идеологов российского либерализма конструировался не на совокупности классических идей последнего, а на сложившемся за годы советской власти фундаменте социалистических идей, основанных, прежде всего, на идее социальной справедливости и социальной защищенности. Само внедрение либеральных идей в данный период отнюдь не разрушало данные базовые социалистические ценности. Задача состояла в том, чтобы показать несоответствие существующих реалий социалистической системы тем официальным идеологическим ценностям и принципам, которые лежали в её основе и которые внедрялись в массовое сознание всеобъемлющей пропагандистской машиной. Это не было рефлексивное осмысление необходимости перехода к либеральному обществу. Это было недовольство социалистической системой, воспринимаемое через призму её же базовых ценностей и сопряженное с желанием большинства граждан (как показали это результаты референдума о сохранении СССР) просто к более комфортному существованию в рамках социально-политической системы, неплохо себя зарекомендовавшей за семь десятилетий с точки зрения реагирования на вызовы внутренней и внешней политики.

«Образ будущего» для большинства продолжал быть связан, прежде всего, с идеалами социальной справедливости, социальной защищенности и равных возможностей. Причем равных возможностей не в «бизнесе», а в простом обеспечении таких повседневных человеческих потребностей, как качественное питание, качественная одежда, качественное жильё, качественная информация. Это стало ключевым фактором, обусловившим современную специфику фрагментированного состояния политической культуры российского социума и разнообразие образов будущего, вокруг которых эта культура структурируется.

Ни в массовом сознании, ни в науке не проработан вопрос о возможности и необходимости движения современных развитых социально-политических систем вперед, к какому-либо иному экономическому, правовому и политическому состоянию, нежели то, в котором они пребывают сегодня. Нет понимания необходимости будущего, которое в чем-то принципиально отличалось бы от настоящего и, соответственно, нет желания выстраивать образ этого будущего и консолидировать вокруг него массу граждан для совместного с элитами политического действия. Наиболее вероятным представляется вариант, при котором либеральный образ российского будущего, уже не столь активно поддерживаемый политическими элитами, но и прямо ими не отвергаемый и не дискредитируемый, еще относительно долго будет создавать и поддерживать в политической культуре общества и элит качество фрагментированности. Фрагментированности, которая способна поддержать в устойчивом состоянии и даже состоянии развития социальную структуру, но не способна обеспечить модернизационный рывок социально-политической системы.

В главе 4. **«Основные институциональные константы развития политической культуры в современной России»** рассмотрены базовые институциональные факторы эволюции социокультурного контекста политической модернизации в постсоветский период.

В разделе 4.1. **«Логика гражданственности как константа эволюции политической культуры»** автор исходит из методологического тезиса о том, что изучать состояния политической культуры можно только тогда, когда она институционализована, т. е. когда она обнаруживает свои качества и тенденции развития в действиях политических субъектов и в их мотивациях к действию.

Современная российская политика столкнулась с парадоксом, суть которого состоит в том, что несмотря на наличие нормативно-институциональных предпосылок становления гражданской политической культуры, ее ростки очень трудно и со множеством побочных мутаций приживаются в российском социуме. Они есть, но никак не приобретают масштабов и степени устойчивости, необходимых для того, чтобы исследователи могли их квалифицировать как нарождающуюся новую политическую традицию, или даже просто, как определенную тенденцию в эволюции современной политической культуры.

В разделе обосновывается целесообразность исходить из представления о внутренней противоречивости «акторности» политической личности, на основе которого возможно дать политологическое объяснение тому, как люди с совершенно различными политическими культурами и различными практическими навыками участия в политике могут оказаться в одном политическом пространстве и времени и выступать в качестве союзников. С такой позиции возможно объяснить, как и откуда в современной политике и политической культуре образуется та подвижность и неустойчивость институциональных форм, смыслов процедур и ценностей, неопределенность перспективы будущих взаимодействий между различными политическими

субъектами. При таком подходе мы можем рассматривать в едином смысловом поле не только личность, но и ее систему связей с другими структурными элементами политического пространства. А, соответственно и политическая субъектность личности будет выглядеть в контексте ее связей более достоверно и динамично. Обусловлено это тем, что человек адаптируется к ситуации политического и культурного хаоса, идет на культурные компромиссы, где-то «поступается принципами», но именно благодаря этому сохраняет свою включенность в политический процесс (хотя бы в пассивных формах), сохраняет (пусть даже латентно) свою политическую идентичность и свою политическую культуру. Это обеспечивает определенную устойчивость закономерности, когда любая революция сопровождается последующим откатом к идеям и ценностям предшествующего времени, которые идеологически осмысливаются чаще всего как «торжество порядка и исторической справедливости», то есть, всего того, на чем основана стабильная политическая субъектность личности.

Актуализация в структуре этих требований мотивов справедливости и стабильности, показывает, что скорее всего уже в ближайшей исторической перспективе современный мир качнется в своих политико-культурных предпочтениях в сторону традиционализма. Так бывало уже не раз, в том числе в последние два столетия, когда на смену увлеченности развитых и развивающихся обществ либеральными идеями и ценностями приходило тотальное разочарование в этих идеях и ценностях, и происходила идеализация различных традиционалистских или псевдо-традиционалистских (фашизм и нацизм, например) политико-культурных мотивов политического развития. Активизация исламизма и национализма в современном мире является, в данном случае, очень характерным симптомом увлеченности современного мира традиционализмом.

В разделе 4.2. **«Фрагментированное общество как институциональная константа политической культуры»** рассмотрены основные тенденции к фрагментации социокультурного пространства постсоветской России. Эта тенденция нарастает в большинстве современных обществ, как минимум, уже лет двести, как минимум с момента переориентации современной цивилизации на буржуазную парадигму развития. Исходным для нас является тезис о том, чтобы не связывать напрямую поведение общества в политическом процессе, как неарифметической суммы личностных включенностей в политику, с современным научным знанием о политической культуре и основных перспективах ее развития. Общество будет менять состояния своего политического сознания вслед за появляющимися новыми вызовами. Будет, соответственно, происходить более или менее заметная подвижка в спектре политических идей и ценностей, будет меняться политико-культурный облик социума. Но сам этот социум в качестве «актера» политики, то есть в качестве обладателя неотъемлемых способностей и ресурсов для политического мышления и политического действия, будет оставаться «константой» политико-культурного процесса.

Для общества его внутренняя фрагментированность (даже на самом очевидном уровне – на уровне классовых и сословных противоречий) не создает таких проблем, того внутреннего кризиса идентичности, как это нередко бывает с личностями в политике. Общество выполняет функцию институциональной константы политической культуры, как это ни звучит парадоксально, именно в силу своей внутренней фрагментированности. В силу того, что в нем постоянно присутствуют конкурирующие за «человеческий капитал» поля политической культуры, активность которых поддерживается конкурирующими в политике силами. Именно в постоянной конкуренции этих полей черпает энергию столь же постоянная борьба разных политических акторов за видимый или невидимый контроль «над умами и душами» всех участников политического процесса.

Исследователи, которые видят во внутрисистемных социокультурных «расколах» корень всех российских бед, включая незавершенные модернизации политической и экономической систем, не принимают во внимание, что глобализационный процесс давно расколол современные общества на общецивилизационном уровне. Общества оказались расколота на «гражданские» и «антигражданские», на либерально ориентированные и традиционалистски ориентированные в модернизационных процессах, на «общества потребления» и те общества, которым теперь «пожизненно» расплачиваться с долгами по иностранным банковским кредитам, взятым элитами их государств в ходе последнего экономического кризиса.

Общество выступает институциональной константой политической культуры потому, что в его структуре заложены предпосылки к стабильному соотношению тенденций социокультурных расколов и социокультурных консолидаций. Благодаря внутренней сбалансированности взаимоисключающих тенденций общества на протяжении веков обладают способностью воспроизводить себя в наиболее выгодных им по политическим и экономическим соображениям форматах и обладают способностью воспроизводить свои основные политико-культурные «коды». Возможно, что именно по этой причине многочисленные попытки исследовать политическую культуру обществ как самодостаточный объект и предмет упирались каждый раз в парадокс: общество развивается во всей совокупности своих практик, а мотивации к этим практикам, многие из которых лежат в области политической культуры, не меняются веками. Закономерно научная мысль обращалась к мистике и начинала пространно рассуждать об уникальных свойствах «русской души» и тайном смысле российской политической культуры.

Современные общества как бы на ощупь пытаются найти именно те ключевые фрагменты нынешней их политической культуры и культуры вообще, которые могут стать системообразующими в мире пост-политики (по распространенному сегодня философскому определению последствий нынешней глобализации), которые, возможно, сложатся в некую новую последовательность или даже систему культурных отношений, связей и ценностных ориентиров. То есть, более органично будут отражать потребность

социума, особенно динамично развивающего свою политику, экономику и культуру и идущего на «цивилизационный отрыв» от других развитых обществ, в поддержании и укреплении связи между его историей, его нынешней стратегией развития и выгодами и рисками его будущих состояний.

В разделе 4.3. **«Государство и политическая культура: диалектика взаимоотношений»** проанализирована диалектическая роль государства как институциональной константы в процессе движения политической культуры. В разных странах и в разные исторические периоды государственная власть становилась то главным революционером и реформатором, опережающим в своих устремлениях в будущее самые прогрессивно настроенные общественные группы, то главным душителем любых общественных инициатив и главным тормозом прогресса. То в ходе модернизаций государственная власть силой навязывала общественному и элитарному сознаниям новые политические идеи и ценности, то отстаивала принципиальную неидеологичность своей политики и достаточность для мотивации участия людей в ней религиозных, например, идей и ценностей.

Политическая мысль, реагируя на такую историческую ситуацию, никак не могла преодолеть ключевой парадокс: чтобы прогресс политики и политической культуры состоялся, желательно избавить общество и личность от опеки государственных институтов, сделать личность и общество единственными институциональными константами политической культуры, но без государства политическое пространство и пространство политической культуры лишаются того общего центра, который придает всем процессам, происходящим в этих пространствах, смысл и цель.

Государство исторически стало, таким образом, цивилизационной институциональной константой. Причем настолько, что в большинстве случаев историки, политологи и юристы, гуманитарии вообще, чаще всего именно с образования государства начинают отсчет всех политических, социально-экономических и культурных процессов. Государство своим эффективным функционированием обеспечивает не только основные модернизационные преобразования, но одновременно постоянно расширяет их социальную базу, укрепляя политическую стабильность общества, демократизируя свои структуры и институты, а также развивая и совершенствуя социальную сферу.

На проблему государства как носителя политической культуры можно посмотреть и в структурно-функциональном, так сказать, ракурсе. Государство (как идея и ценность) является ключевым элементом в политической культуре любого цивилизованного народа во многом потому, что вокруг его институтов и практик выстраивается более-менее устойчивое равновесие разнообразных конкурирующих социально-групповых и личностных политических субкультур.

Поэтому, вероятно, в истории мировой политической мысли закрепилось устойчиво негативное отношение к ситуациям, когда государственная власть выражает приверженность какой-либо конкретной идеологии, обозначает свои ценностные и идейные приоритеты и тем самым резко сужает возможности

личности и общества, как других основных институциональных констант политической культуры, в солидаризации с «государственным интересом».

А для того, чтобы устранить эти сомнения из массового сознания, государству необходимо сохранить свое состояние институциональной константы политической культуры и в обозримой исторической перспективе. Первое, что нужно государству для этого, лояльное отношение граждан к его особости. Государству, в равной мере империи и национальному, нужны лояльные граждане как основание его политической суверенности и легитимности. А лояльность, если рассматривать ее не юридически, а политологически, есть определенное состояние политической культуры, при котором государство имеет возможность опосредованного, через самих граждан, контроля политического пространства (граждане как стражи интересов государства).

Второе, что нужно государству для того, чтобы решить проблему своей опознаваемости в качестве ключевого субъекта политики, это разобраться со своим отношением к разного рода технологическим новациям, ставящим сегодня под вопрос актуальность политической культуры как регулятора политических отношений и, соответственно, место самого государства (в его традиционных измерениях) в политическом процессе. Прежняя константность государства в качестве носителя политической культуры определялась тем, что большинство существующих на земле государств укладывалось в шкалу «империя-национальное государство». В качестве делений на этой шкале выступали такие ценности как лояльность, патриотизм (национализм), суверенитет, иерархичность, законность. Продвижение различных социально-политических систем в ту и другую сторону по этой шкале обеспечивало их взаимную опознаваемость в качестве элементов единого политико-культурного процесса и обеспечивало их практическое взаимодействие в международной политике.

В современных условиях вырисовывается перспектива того, что глобальный мир, все представляющие современную цивилизацию народы и государства информационно будут сплочены, как сплочены, образно выражаясь, посетители одного интернет-портала, а политически будут расколоты так, как сегодня даже представить себе трудно. И их будущее информационное единство может сыграть в их политической судьбе самую негативную роль: враждующие соперники могут разойтись и занять изоляционистские позиции относительно друг друга. Но только в том случае, если им есть куда разойтись. Единство глобального информационного пространства делает такой изоляционизм принципиально невозможным. А это значит, что уничтожение политического соперника останется единственной возможностью изолироваться от него.

Пока же современное государство сохраняет свое человеческое содержание, пока государственная власть настолько персонализирована, что смена государственных лидеров, например, воспринимается массовым сознанием как изменение парадигмы политического развития, до тех пор государственная власть будет нуждаться в том, чтобы граждане ее опознавали и

руководствовались в этом опознании определенными наборами идей и ценностей.

В главе 5. **«Идеологические основания политико-культурного контекста модернизации постсоветской России»** рассмотрены основные тенденции эволюции функциональности идеологии в модернизационных преобразованиях последних десятилетий.

В разделе 5.1. **«Идеологическая переменная в политической культуре современной России»** проанализирована рефлексия научным сообществом процесса массивной индоктринации либерализма в постсоветской России. Она проводилась в условиях, когда реальные преобразования под лозунгами данной идеологии привели к значительному ухудшению жизненных условий для большинства населения. Обращения Б. Н. Ельцина и его сторонников к населению с просьбой потерпеть и пережить эти «временные» трудности переходного периода, обещания быстрой положительной отдачи от рыночных реформ, не были подкреплены реальными результатами. В итоге процесс индоктринации либерализма вызвал прямо противоположную реакцию – эйфория надежд «на невидимую руку рынка» и либерально-демократические институты быстро заменилась на отторжение данных институтов и ценностей в результате их дискредитации в сознании большинства российских граждан.

В практической политической жизни значение идеологического фактора переместилось из сферы концептуального обоснования в область имиджевых технологий. Однако сведение идеологии к некоему набору «прагматических знаний» об «устремлениях большинства», на наш взгляд, представляло собой переход от попыток концептуализации стратегии общественного развития к стратегиям борьбы за электорат от одних выборов к другим. Принципиальное отличие формулирования таких «стратегических» (на практике текущих) политических целей заключается в том, что они не выходили за рамки решения наиболее злободневных («накипевших») проблем и не предлагали четких и понятных большинству населения контуров «конечной» цели общественного развития России.

Отсутствие идеологического стратегического вектора заменялось тем, что ведущие политические партии в рамках тактических имиджевых технологий беззастенчиво комбинировали свои программы на основе заимствований самых различных идеологов. Однако такой тактически ориентированный подход к использованию идеологического фактора привел к тому, что в программах политических партий отсутствовали конкретные характеристики будущего общественного устройства, никто не предлагал концептуального обоснования стратегического пути продвижения страны к этому будущему. В этом, на наш взгляд, одна из причин того, что задачи модернизации, официально провозглашенные руководством страны, реализуются медленно и непоследовательно. Если ответ на вопрос: «что делать?» хотя бы в общих чертах известен и декларируется, то ответ на вопрос: «как это сделать?» до сих пор представляется обществу очень расплывчато.

Фактический отказ от общенациональной идеологии в условиях раскола общества не позволил сформировать ценностное ядро политической культуры российского населения и определил неизбежность ее фрагментации и разнородности. Отсутствие ясной цели и внятного положительного образа будущего привели к пессимизму в отношении перспектив общественно-политического и социально-экономического развития России и существенно снизили уровень легитимности сформировавшихся государственных и общественных институтов и политической системы в целом.

Отсутствие четкой партийно-идеологической стратификации партогенеза в постсоветской России привело к тому, что в области развития самой идеологической сферы повсеместно проявлялась эклектика и популизм, которые составили основу манипулятивных и имиджевых технологий. В результате произошло дистанцирование значительной части населения от демократических процедур и механизмов взаимоотношений с властными институтами, которое позволило реализовать усиление авторитарных тенденций в постсоветской России.

В разделе 5.2. **«Синдром» идеологического наследия советской политической культуры»** рассмотрено инерционное воздействие социокультурного наследия советского периода, которое во многом определялось воздействием идеологического фундамента всей общественно-политической системы. Несмотря на большое количество исследований данного сюжета, представляется, что исследователи не акцентируют внимание на важнейшем парадоксе: причинах укорененности и прочности многих ценностей коммунистической идеологии, несмотря на проявившуюся слабость самой идеологии, как ориентира общественного развития.

Среди наиболее важных жизненных ориентиров традиционно в российской политической культуре особое место занимает ценность порядка. Ее значение обусловлено сложной и драматической историей российского народа и издавна использовалось в качестве обоснования особой роли государства и властителей в наведении такого порядка. Но до своего логического завершения в соединении «государственного», «индивидуального» и группового порядка данная ценность была доведена только в советский период. Несмотря на то, что конечной целью социалистических преобразований провозглашался безгосударственный общественный строй, основанный на высокой сознательности и ответственности членов коммунистического общества, вся советская система была основана на строгом партийно-государственном контроле функционирования всех общественных институтов и жизни каждого отдельного человека.

Внедрение такой синтезированной ценности порядка, в которой определяющую роль играл государственный элемент, привело к противоречивому ее освоению. С одной стороны, порядок, основанный на тотальном контроле и вмешательстве в личную жизнь каждого человека не мог вызвать однозначно положительного отношения, несмотря на идеологическое обеспечение его индоктринации. Недовольство проявлялось в большинстве

случаев в непубличной и неинституализированной форме на уровне межиндивидуального общения в малых группах, в виде анекдотов, слухов и пересудов. С другой стороны, тотальный контроль за обществом в советской системе сопровождался всеохватывающими социальными обязательствами государства по отношению к советским гражданам. Несмотря на то, что многие были недовольны качеством выполнения данных обязательств в области здравоохранения, образования, сферы услуг и особенно временем ожидания выполнения обязательств, например, в области обеспечения бесплатным жильем – тем не менее, сама социальная функциональность государства рассматривалась как аксиома, не требующая доказательств, важнейшее достижение социалистического строя.

В условиях постсоветских радикальных преобразований и хаоса приватизации и внедрения рыночных отношений ценность порядка стала вновь восприниматься через призму приоритетной значимости его государственного начала. Все негативные результаты преобразований связывались в массовом сознании именно с отсутствием государственного порядка. В таких условиях внедрение либеральных индивидуалистических ценностей и апелляция к правовым основам регулирования взаимоотношений индивидов между собой и с государством не привело к положительному результату. Главная причина состояла в том, что на практике в этот период господствовал правовой беспредел и право сильного. Расстрел Белого дома стал демонстрацией реальной роли силы в системе разделения властей на самом высшем уровне. Соответственно и советский порядок стал восприниматься в ином свете: система повсеместного и вездесущего контроля за обществом уже не казалась большинству российских граждан существенным недостатком, т. к. была оборотной стороной не только обеспечения порядка и стабильности, но и гарантированного социального обеспечения.

В дальнейшем значение «синдрома» советской политической культуры стало постепенно ослабевать. С приходом в 2000 г. В. В. Путина в качестве Президента Российской Федерации стабилизировалась социально-экономическая ситуация в стране и были ослаблены самые острые проблемы и противоречия, которые реально угрожали в 1990-е гг. самому существованию единого российского государства. Укрепление «вертикали власти» осуществлялось уже не на основе либерально-демократической риторики, а на основе политехнологической комбинаторики ценностей самых различных идеологий. Одной из ключевых вновь была официально обозначена ценность порядка, недостаток которой в 1990-е гг. столь остро воспринимался большинством российских граждан (значительная часть которых при этом ностальгировала по советскому порядку). Новый Президент продемонстрировал, что наведение порядка возможно и в рамках существующей системы.

Это существенно снизило роль идеологической мотивации протестных настроений в двух главных аспектах его проявления. С одной стороны, ослабела роль коммунистической идеологии, которая раньше рассматривалась

как единственно возможная альтернатива рыночному хаосу и беспределу. С другой стороны, укрепление роли государства в различных сферах общественной жизни, позволило Президенту и его сторонникам «освободиться» от груза ответственности за «либеральный» вариант реформ, который привел в 1990-е гг. к столь явным негативным последствиям для большинства населения. Стратегия формирования образа Президента как общенационального лидера, стоящего над идеологиями, над партиями, над кланами, была в начале 2000-х гг. вполне успешной.

Это привело к тому, что в политической культуре современной России имеет место противоречивое проявление базовых политических ценностей: справедливости, равенства, соревновательности, частной собственности, прав и свобод личности. Важнейшим фактором, определяющим данную противоречивость, имеет «синдром» советской политической культуры, который выступает своеобразной призмой для соотнесения ценностных приоритетов, пропагандируемых сегодня, с теми трактовками данных ценностей, которые имели место в советский период. Ключевое значение имеет базовая ценность социальной справедливости, своеобразное понимание которой не позволяет добиться необходимой легитимности для проводимых преобразований и необходимого уровня поддержки политической и социально-экономической модернизации современной России.

В разделе 5.3. **«Идеологическая функциональность структурирования политической культуры в современной России»** автор исходит из тезиса о том, что идеологические основания не являются неизменными и постоянно меняются как в результате динамики общества и государства, так и воздействия определенной внутренней логики самой идеологии (тем более логики конкурентных взаимодействий носителей различных идеологий).

Как представляется, коренная причина слабости идеологического фактора в мотивации политического выбора российскими гражданами заключена в том, что за весь период постсоветской истории России ни разу в результате голосования к власти не приходили силы, открыто заявившие о своей приверженности к конкретной идеологии. Речь идет именно о президентских выборах, которые и определяли вектор политического развития страны. Борьба сторонников Б. Н. Ельцина против Г. А. Зюганова на президентских выборах 1996 г. велась под примитивными слоганами «демократия versus тоталитаризма», которые можно оценить как суррогат идеологии либерализма. Начиная с выборов 2000 г. и по выборы 2012 г. на выборах президента побеждали кандидаты, не связывающие себя даже в суррогатном виде с конкретной идеологией.

Обусловлено это многими причинами, вполне конкретными для каждой избирательной кампании, но общим является то, что граждане разочаровались в результатах идеологической мотивации на выборах депутатов Государственной Думы. Массовое снижение популярности идеологии либерализма стало очевидным и проявилось в наглядных показателях падения рейтингов и результатов голосования за партии данного направления. На наш взгляд,

главная причина разочарования заключена не столько в сфере либеральных ценностей, обосновывающих основные права и свободы граждан, сколько в социально-экономической области – люди не приняли резкого снижения жизненного уровня, характер и результаты проведенной приватизации, катастрофическое падение индустриального и сельскохозяйственного производства и изменение баланса структуры экономики в пользу ресурсодобывающих отраслей.

Главная причина победы «Единой России» лежит вовсе не в области идеологии (программа данной партии эклектична не на уровне популизма, но на уровне отсутствия идеологического концептуального ядра), а в том, что партия открыто позиционировала себя в качестве главного инструмента реализации политики Президента Российской Федерации В. В. Путина. Его высокий рейтинг в свою очередь также не был основан на конкретной идеологии, а был обусловлен персональными личностными имиджевыми характеристиками.

Понимание слабости такой позиции и объективная общественная потребность в общенациональной идеологии привела к попытке предложения президентской администрацией концепции «суверенной демократии». Она вызвала бурную дискуссию политиков, журналистов, общественных деятелей, представителей научного и творческого сообщества и закончилась безрезультативно. Тем самым проблема не была разрешена и её актуальность осознается большим количеством ответственных политиков и обществоведов. Некоторые открыто призывают, по сути, к необходимости пересмотра конституционного запрета на государственную идеологию. Другие формулируют более осторожно задачу формирования базовой идеи в качестве основы для культурной самоидентификации. Как представляется, выработка идейно-ценностного ядра, признаваемого и поддерживаемого большинством российского населения, является одной из самых важных и безотлагательных задач, без решения которой невозможно минимизировать последствия социальных разломов и соответствующей фрагментации политической культуры в постсоветский период.

В разделе 5.4. **«Перспективы интегративной идеологии в современной России в контексте задач модернизации»** рассмотрен процесс интеллектуального поиска интегративной идеологии как важнейшей предпосылки выхода российского общества из кризисного состояния. Проанализировано большое количество разнообразных проектов, представленных учеными, политиками, публицистами и общественными деятелями.

Одним из направлений такого идеологического проектирования стало обоснование идеи «особого русского пути». Одним из направлений идеологической концептуализации особенности политического и социально-экономического развития России стали программы многочисленных организаций «национально-патриотического» толка. В программных документах данных партий и общественно-политических организаций и

движений самым причудливым образом комбинировались идеи «православия», «монархии», «империи» и национальных интересов» русского народа. Данные проекты не получили широкой поддержки, прежде всего, в силу, с одной стороны, радикализма и национализма, на который в России в условиях многовекового совместного проживания представителей различных народов выработался определенный иммунитет; а с другой – в результате мощнейшей антимонархической направленности политической социализации в советский период, которая сформировала у нескольких поколений представление о российской монархии, как символе российской отсталости и политической несостоятельности.

Не получили поддержки идеи «интронизации» Президента В. В. Путина, а также проекты пролонгации срока его президентства. Тем не менее, в 2000-е гг. «проблема Империи» прочно вошла в научный дискурс. Противники империй единодушны в негативной оценке этого явления как «тюрьмы народов», неизбежности их распада с точки зрения исторических закономерностей общественно-политического развития и крайне отрицательно воспринимают любые попытки (или то, что они воспринимают как попытки) восстановления имперских основ России.

Либерально ориентированные представители творческой интеллигенции и политического истеблишмента также осуществляли попытки предложить проекты развития России, как альтернативные той либеральной модели, реализация которой в 1990-е гг. вызвала столь резкое неприятие большинства населения России. Наиболее оригинальной представляется попытка А. Б. Чубайса накануне выборов 2003 г. в Государственную Думу встроить либеральный проект в имперское русло. Суть предложений сводилась к наполнению новым идеологическим смыслом имперской сущности российской политической культуры, которая должна была найти выражение в реализации нового прогрессистского проекта, основанного на распространении либеральной идеологии на всем постсоветском пространстве. Налицо явное заимствование ключевых тезисов американской концепции непримиримой борьбы за торжество демократии во всем мире. Как и любое другое, данное заимствование также представляет собой эпигонство в силу неизбежного упрощения идеи и механического ее перенесения в иные политические, социально-экономические и, самое главное, социокультурные условия. Как видится, данный проект, как самодостаточный для развития современной России порочен, прежде всего, в силу того, что место главного борца за либеральную демократию не только на постсоветском, но и во всем мире, уже занято США и их союзниками. Выдвигать Россию в качестве главного конкурента этим борцам изначально проигрышно по целому ряду объективных и субъективных причин (прежде всего несопоставимость политических, экономических, информационных и военных ресурсов).

Не случайно, что данный проект не был поддержан даже внутри СПС и не вошел в его предвыборную платформу 2003 г. и последующих избирательных кампаний. Попытки синтезировать патриотизм,

государственничество и либерализм закончились провалом. Державно-патриотические ценности гораздо более органично входили в программу КПРФ и эффективно эксплуатировались ею в 1990-е гг., а с 2000-х гг. конкуренцию им составили В. В. Путин и «Единая Россия».

С момента его прихода к власти проектирование интегративной идеологии приобрело новый импульс, который не утратил своей актуальности и сегодня. Потребность в такой идеологии в научном сообществе осознавалась еще в 1990-е гг., особенно по мере возрастания угрозы целостности страны. Наибольший общественный резонанс вызвал, воспринимаемый как официальный, идеологический проект «суверенной демократии». Главный смысл концепции состоял не только в том, что было выделено ценностное ядро, разделяемое большинством россиян, но и в обосновании важнейшего тезиса, согласно которому Россия, как суверенное государство, оставляло за собой право самостоятельно определять сроки, формы и методы движения к демократии. Именно данный тезис вызвал наибольшее неприятие и резкую критику со стороны либерально ориентированных политиков, общественных деятелей, журналистов и представителей научного сообщества. В результате проект «суверенной демократии» не был официально принят в качестве идеологии «Единой России», хотя отдельные ее концепты активно использовались в качестве идеологием на всех последующих выборах. Кроме того, вопросы идеологического строительства прочно вошли в публичный дискурс лидеров «Единой России».

Оценивая официальные проекты, можно отметить, прежде всего, их эклектичность и доминирование электоральной функциональности. Идеологическая эклектичность в условиях фрагментированной политической культуры российского общества представляется неизбежной и оправданной, особенно если она выстраивается вокруг наращивания стабильного ценностного ядра. Однако главный недостаток всех официальных вариантов общенациональной идеологии обусловлен именно их целеполаганием и функциональностью. Главная задача – сохранить существующую политическую систему во главе с действующими политическими силами. При этом в массовом сознании их реальные политические действия нередко не ассоциируются с теми ценностями и принципами, которые публично они декларируют. В результате невысокий уровень доверия к базовым политическим институтам, механизмам и демократическим процедурам, который нельзя оценивать, например, по результатам голосования за «Единую Россию» (многие граждане голосуют за нее по принципу – «другие еще хуже»). Тем самым ценностное ядро в официальных партийных документах, в выступлениях лидеров и в различных агитационных материалах «Единой России» сформулировано, на наш взгляд, вполне грамотно, с учетом социокультурной российской специфики, но у граждан отсутствует полноценное доверие к носителю данных ценностей.

В целом, проведенный анализ различных проектов общественно-политического и социально-экономического развития России, которые в той или иной степени содержат начала интегративной идеологии, позволяет

констатировать, что по своему предназначению они отражали сложившееся в советский период представление о функциональности государственной идеологии, а по содержанию представляли пеструю палитру: от монархических до неокommунистических и националистических.

В 2000-е гг. тенденция укрепления властных ресурсов управления общественными процессами обусловила и новый вектор идеологического проектирования. Оно получило негласную официальную поддержку и стало выполнять более сложные инструментально-технологические задачи. Главная среди них состояла в концептуально-идеологическом подкреплении и обосновании реальных политических процессов по укреплению роли государства в общественной жизни. Развитие институтов гражданского общества рассматривалось либо как вторичный процесс, либо как направленный на поддержку модернизационных усилий государства. Акцент в проектировании сместился от обоснования стратегических преимуществ либерально-демократической модели по сравнению с советской, к обоснованию специфичности российской модели модернизации, основанной, прежде всего, на особой роли государства в ее проведении.

Кроме попыток целенаправленного воздействия на формирование ядра политической культуры российского общества, данные проекты выполняли своеобразную функцию «прощупывания» массовых настроений и социокультурных ценностных предпочтений, функцию выявления общественной реакции на тот или иной вариант проекта общенациональной идеологии. Это привело к тому, что официальная идеология не была закреплена в рамках партийной идеологии «Единой России», но фактически предпочитаемое универсальное ценностное ядро для формирования политической культуры россиян уже закреплено в рамках официального дискурса: державность, патриотизм, национальные интересы, социальное государство, модернизация, специфическая российская модель демократии, духовность. Эти ценности постоянно актуализируются не только во время предвыборных кампаний в рамках партийных программ, но и на уровне официальных посланий Президента Российской Федерации Федеральному собранию, в текстах публичных заявлений и выступлений перед общественностью.

Думается, что осознанное отсутствие официальной партийной «привязки» данных ценностей преследует вполне конкретную цель достижения межпартийного консенсуса в их отношении. Это может стать первым шагом на пути формирования реального ценностного ядра политической культуры российского общества, которое сможет объединить его, наполнить социальным оптимизмом, сделать политическое участие осмысленным, ответственным и результативным.

В заключении подведены итоги исследования и даны развернутые обобщения по проблеме в целом.

Основное содержание диссертационного исследования отражено в следующих научных публикациях автора:

Монографии:

1. Зимин В. А. Формирование политико-культурного контекста постсоветской модернизации. Самара: Изд-во Самарского научного центра Российской академии наук, 2013. 327 с. (20,44 п. л.)
2. Зимин В. А. Политическая модернизация в России. Самара: Издательство Самарского научного центра Российской академии наук. 2012. 155 с. (9,7 п. л.)
3. Зимин В. А. Эволюция политической культуры в Российской Федерации. Самара: Изд-во Самарского государственного педагогического университета. 2009. 296 с. (17,21 п. л.)
4. Зимин В. А. Исполнительная власть в Российской Федерации. Самара: Изд-во «Научно-технический центр». 2005. 337 с. (21,96 п. л.)
5. Зимин В. А., Попов А. А. Институциональные параметры информационного общества. Самара : ООО «Издательство Ас Гард», 2008. 196 с. (12,77 п. л. / 5,3 п. л.)
6. Зимин В. А., Григорьева С. А., Попов А. А. Реалии и проблемы становления и развития гражданского общества. Самара: Изд-во Самарского научного центра Российской академии наук, 2013. 195 с. (12,19 п. л./5,5 п. л.).

I. Статьи в изданиях, рекомендованных ВАК РФ:

1. Зимин В. А. Политическая модернизация: основные теории // Политика и общество. М., 2012. № 8(92). С. 17–22 (0,6 п. л.)
2. Зимин В. А. Содержание политической модернизации, ее критерии и типы // Гуманитарные исследования (Гуманис). 2012. № 12. С. 3–7 (0,4 п. л.)
3. Зимин В. А. Понятие консолидированной и фрагментированной политической культуры // Известия Саратовского университета. Новая серия. Социология. Политология. 2012. Т. 12. Вып. 3. С. 74–77 (0,6 п. л.)
4. Зимин В. А. Политическая культура как фактор модернизации и социального прогресса // Известия Саратовского университета. Новая серия. Социология. Политология. 2012. Т. 12. Вып. 2. С. 90–94 (0,65 п. л.)
5. Зимин В. А. Роль СМИ в формировании политической культуры и развитии институтов гражданского общества // Известия Саратовского университета. Новая серия. Социология. Политология. 2012. Т. 12. Вып. 1. С. 91–94 (0,55 п. л.)
6. Зимин В. А. Политико-культурный контекст понятия политической модернизации в отечественной науке // Известия Саратовского университета. Новая серия. Социология. Политология. 2012. Т. 12. Вып. 4. С. 76–83. (0,9 п. л.)
7. Зимин В. А. Политические ценности в постсоветской России // Теория и практика общественного развития. Научный журнал. Краснодар. 2012. № 10. С. 206–210 (0,7 п. л.)
8. Зимин В. А. Политические модернизационные процессы в Российской Федерации // Исторические, философские, политические и юридические науки. Культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2012. № 12(26). С. 74–79 (0,6 п. л.)
9. Зимин В. А. Партии – проводники политической культуры в российском социуме // Теория и практика общественного развития. Научный журнал. Краснодар, 2012. № 11. С. 259–261 (0,5 п. л.)
10. Зимин В. А. Традиции в системе формирования политической культуры россиян // Вестник ВЭГУ. Уфа, 2012. № 4 (60). С. 37–41 (0,5 п. л.)
11. Зимин В. А. Демократия: восприятие ее россиянами // Гуманитарные исследования (Гуманис). 2012. № 12. С. 7–11 (0,35 п. л.)
12. Зимин В. А. Правовая культура и вопросы правового образования // Вестник Самарского муниципального института управления. 2012. № 2. С. 143–151 (0,55 п. л.)
13. Зимин В. А. Политические партии – важнейший элемент политической системы // Теория и практика общественного развития. Научный журнал. Краснодар, 2012. № 12. С. 408–411. (0,4 п. л.)

14. Зимин В. А. Гражданское общество: проблемы становления и развития // Вестник Самарского муниципального института управления. 2012. № 4(23). С. 104–112 (0,55 п. л.).

15. Зимин В. А., Морозова Г. А. Правовое государство: основные признаки, черты, проблемы // Вестник Самарского муниципального института управления. 2012. № 4 (23). С. 121–128 (0,5 п. л. / 0, 3 п. л.)

16. Зимин В. А. Структура политической культуры в оценках ученых // Вестник ВЭГУ. Серия: Философия. Социология. Политология. Уфа, 2010. № 4. С. 7–12 (0,6 п. л.)

17. Зимин В. А. Основные пути формирования политической культуры россиян в постсоветский период // Вестник Самарского государственного экономического университета. 2006. № 4. С. 253–259 (0,5 п. л.)

18. Зимин В. А. Ценностные политические ориентации россиян // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Специальный выпуск: «Актуальные проблемы гуманитарных наук». 2006. № 2. С. 219–223 (0,5 п. л.)

19. Зимин В. А. Политический миф как элемент политической культуры // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Специальный выпуск: «Актуальные проблемы гуманитарных наук». 2006. № 1. С. 187–191 (0,5 п. л.)

20. Зимин В. А. Правовая культура в современном российском обществе // Актуальные проблемы правоведения. Специальный выпуск журнала, включенный в перечень ВАКа РФ. Самара: Самарский государственный экономический университет. 2006. № 1. С. 47–50 (0,4 п. л.)

21. Зимин В. А. Политическая культура как объект философского анализа // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Специальный выпуск: «Новейшие гуманитарные исследования». 2006. С. 47–52 (0,6 п. л.)

22. Зимин В. А. Соотношение между правом и политикой // Актуальные проблемы правоведения. Специальный выпуск журнала, включенный в перечень ВАКа РФ. Самара: Самарский государственный экономический университет. 2006. № 8. С. 55–58 (0,45 п. л.)

23. Зимин В. А. Участие россиян в политической жизни в постсоветский период // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2005. С. 77–81 (0,55 п. л.)

24. Зимин В. А. О стереотипах в системе социально-политических знаний россиян // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Специальный выпуск: «Актуальные проблемы гуманитарных наук». 2004. № 1. С. 196–200 (0,7 п. л.)

25. Зимин В. А. Некоторые аспекты политического сознания в России // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Специальный выпуск. 2003. С. 75–80 (0,55 п. л.)

26. Зимин В. А. О политической культуре в России // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Специальный выпуск: «Актуальные проблемы гуманитарных наук». 2003. С. 53–59 (0,8 п. л.)

27. Зимин В. А. О классификации политической культуры // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Специальный выпуск: «Актуальные проблемы гуманитарных наук». 2002. С. 178–185 (0,9 п. л.)

III. Основные статьи, опубликованные доклады в прочих изданиях:

1. Зимин В. А. Концепции плюралистической демократии: их плюсы и минусы // Экономика, социология, право. М., 2012. № 41. С. 169–172 (0,3 п. л.)

2. Зимин В. А. Гражданское общество, его становление и развитие // Экономические и социальные науки: прошлое, настоящее и будущее. М.: Издательский Дом «Экономическая газета», 2012. С. 68–74 (0,4 п. л.)

3. Зимин В. А. Особенности характерные для модернизационного процесса в России // Научный альманах «Телескоп». № 26. Самара, 2012. С. 92–111 (1,25 п. л.)

4. Зимин В. А. Национальная идея в политическом развитии России // Сборник статей X Российской научно-методической конференции «Учебный, воспитательный и научный

- процессы в вузе» 25 мая 2012 года. Самара: ООО «Издательство Ас Гард», 2012. С. 163–169 (0,4 п. л.)
5. Зимин В. А. Идеологическая составляющая в политической культуре современной России // Политические проблемы современного общества : сб. науч. статей кафедры политических наук СГУ. Саратов : Издательский Центр «Наука», 2012. Вып. 18. С. 74–84 (0,65 п. л.).
 6. Зимин В. А. Политическая культура: историографический обзор // Научный альманах «Телескоп». № 24. Самара, 2011. С. 65–88 (1,5 п. л.)
 7. Зимин В. А. Повышение уровня правовой культуры россиян // Вестник Самарского института бизнеса и управления. Вып. 4. Ч. I. Самара : НОАНО ВПО СИБиУ, 2009. С. 37–44 (0,5 п. л.)
 8. Зимин В. А. Особенности формирования политической культуры в современной России // Вестник ВЭГУ. № 3. Серия: Философия. Социология. Политология. Уфа, 2008. С. 61–66 (0,5 п. л.)
 9. Зимин В. А. Трансформация представлений о субъекте политической культуры в дискурсе современного социологического знания // Сборник статей Международной научной конференции «Трансформации: риск, кризис, адаптация» 29–30 сентября 2008 года. Самара : Изд-во Самарского научного центра Российской академии наук, 2008. С. 297–319 (1,4 п. л.)
 10. Зимин В. А. Основные точки зрения ученых на структурные элементы политической культуры // Научные изыскания. Вып. 2. Самара : Изд-во Самарского научного центра Российской академии наук, 2006. С. 256–264 (0,5 п. л.)
 11. Зимин В. А. Общественно-политическая активность россиян в постсоветский период // Научные изыскания. Вып. 1. Самара : Изд-во Самарского научного центра Российской академии наук, 2005. С. 88–100. (0,8 п. л.)
 12. Зимин В. А. О классификации типов политической культуры // Вестник ВЭГУ. Уфа, 2005. № 23/24. С. 87–94 (0,8 п. л.)
 13. Зимин В. А. О российской политической культуре // Актуальные проблемы современной науки. М., 2004. № 4. С. 122–128 (0,6 п. л.)
 14. Зимин В. А. Политические мифы в России // Вопросы гуманитарных наук. М., 2004. № 3. С. 280–284 (0,5 п. л.)
 15. Зимин В. А. Активность граждан России в политической жизни страны // Объединенный научный журнал. М., 2004. № 35. С. 14–19 (0,6 п. л.)
 16. Зимин В. А. Формирование политического сознания россиян // Вопросы гуманитарных наук. М., 2004. № 3. С. 285–289 (0,4 п. л.)
 17. Зимин В. А. Формирование правовой культуры в России // Право: теория и практика. М., 2004. № 19. С. 65–69 (0,4 п. л.)
 18. Зимин В. А. Религиозный фактор в формировании политической культуры личности и общества // Объединенный научный журнал. М., 2004. № 36. С. 3–8 (0,5 п. л.)
 19. Зимин В. А. Основные пути формирования политической культуры // Актуальные проблемы современной науки. М., 2004. № 4. С. 129–135 (0,65 п. л.)
 20. Зимин В. А. Политическая культура электората в избирательных кампаниях // Власть. М., 2003. № 4. С. 43–44 (0,2 п. л.)
 21. Зимин В. А. Образование и политическая культура // Сборник статей. V международной научно-практической конференции «Реальность этноса. Этнонациональные аспекты модернизации образования», 18–21 марта 2003 года, Санкт-Петербург. СПб. : Изд-во «Астерион», 2003. С. 53–54 (0,2 п. л.)
 22. Зимин В. А. О типологизации политической культуры // Проблемы политологии и политической истории : межв. сб. научн. трудов. Саратов : Изд-во Саратовского госуд. ун-та. 2002. Вып. 11. С. 37–45 (0,5 п. л.)

23. Зимин В. А. Патриотическое воспитание студентов // Сборник статей по материалам IV международной научно-методической конференции «Университетское образование», 11–12 апреля 2000 года. Пенза : ПДЗ, Пензенский госуниверситет, 2000. С. 68–70 (0,2 п. л.)